

**Арте
факт
детектив**

Они мечтали сняться
для рекламы духов, сладких,
как любовь, терпких, как мечты.
Но вместо вспышек фотокамер
красавиц ожидала вечность...

ОЛЬГА ТАРАСЕВИЧ
**Смертельный
аромат № 5**

ЭКСМО

Ольга Тарасевич
Смертельный аромат № 5
Серия «Артефакт-детектив»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165335
Смертельный аромат № 5: Эксмо; М.; 2007
ISBN 978-5-699-22803-4

Аннотация

У них было все – молодость, шарм и заветные 90-60-90. Они смотрели на мир с обложек глянцевого журналов и мечтали покорить лучшие подиумы. Но девочек из модельного агентства «Supermodels» ждала трагическая судьба. Одна за другой они умирали в полушаге от славы, за пять минут до кастинга в знаменитую империю моды. Писательница Лика Бронская, хозяйка модельного агентства Ирина Суханова, следователи пытаются выйти на след неуловимого убийцы. И никто не знает, что эта запутанная история началась давным-давно, когда великая Габриэль Шанель придумала маленькое черное платье и весь мир сошел с ума от аромата ее именных духов...

Содержание

Глава 1	4
1	4
2	14
3	22
4	33
5	40
Глава 2	49
1	49
2	57
3	69
4	75
5	80
6	92
Глава 3	99
1	99
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Ольга Тарасевич

Смертельный аромат № 5

Глава 1

1

Компьен, 1907 год

Коко! Коко, где ты, мой цыпленочек?!

Громовой голос Этьена Бальсана раздается с парадной лестницы замка Руайо. Пронизывает широкий холл с невысокими диванчиками. Огибает мраморные античные скульптуры, заглушает шепот стеклянных струй фонтана.

– Коко!

Звуки приближаются, они уже в длинном коридоре первого этажа. Габриэль Шанель различает даже глухое бряцание сапог для верховой езды и с отчаянием накрывает темноволосую голову подушкой. Ей совершенно не хочется видеть Этьена.

...Прошли те времена, когда она, распевая со сцены «Ла Ротонд», выглядывала за столиком милое круглое лицо с небольшими усиками. Потом, когда с Муленом и провинциальным кафешантаном было покончено и Габриэль, как

мотылек, устремилась на огонь славы *настоящей* певицы, именно Этьен дал ей денег на пошив одежды для путешествия в Виши. Толстой пачки ассигнаций даже хватило на оплату небольшой комнатки и аренды коротких платьев с блестками, неизменных атрибутов прослушивания «пижонки».¹ Блестки осыпались при малейшем движении. Габриэль наблюдала за серебряным дождем, и он смывал горечь отказа в ангажементе.

Когда деньги Этьена закончились, пришлось, как в Мулене, вновь подрабатывать портнихой. Но благодарность к открытому прямолинейному и чуть грубоватому пехотинцу теплилась в сердце. Нечастые визиты Этьена в Виши радовали Габриэль. Он смущался этой радости, особенно когда не привозил подарка или не мог оставить денег. Габриэль скупала по *нему*...

И вот они вместе. Вместе?! Этьен поселил ее в самой жалкой комнате замка. Она одевается у портного, который шьет одежду только конюхам и крестьянам. Любовник пресекает все попытки заговорить о женитьбе. Бальсана интересуют две вещи – скачки и...

– ...Коко! Цыпленочек мой!

Габриэль сонно потянулась, изображая пробуждение, отбросила от лица непослушные вьющиеся пряди и подумала: «До чего не люблю это прозвище! Да, я худа, как цыпленок. Но как же до сих пор досадно вспоминать эти „Ко Ко Ri Ко“»

¹ Одно из амплуа певиц кафешантанов.

и „Qui qu a vu Coco“²».

Этьен быстро сорвал с себя одежду, вслед за батистовой рубашкой и жилетом швырнул на пол черные галифе. Габриэль зачарованно наблюдала за ним, уже тяжело дышащим, стремительным, как животное, в своей неутоленной страсти.

Знакомые теплые губы вмиг растворили терзавшую ее обиду.

– Моя малышка... Моя красавица...

Он часто произносил эти слова, к ним уже можно было привыкнуть, но глаза Габриэль всегда наполнялись слезами. В такие моменты казалось: рядом с ней мужчина, который нежен и ласков. Он любит ее. Пьянящие поцелуи. Сладкий шепот. Так бывает. В это сложно поверить. Сложно – потому что с самого детства в головке Габриэль придумывались сотни историй о любви. Но она видела лишь, как рыдала мама, вечно беременная, постоянно уставшая: «Альбер, не уезжай! Возьми меня с собой!» Бормоча «Вечно ты ноешь, Жанна», отец уходил, и его красивое лицо делалось надменным. Таким же красивым, надменным и равнодушным оно было после смерти мамочки. Скрипела простая телега, которую волокла тощая старая кобыла. Габриэль мечтала: папа привезет их с сестрой в новый красивый дом. Телега остановилась у ворот приюта.

– Моя малышка...

² «Кукареку» и «Кто видел Коко?» – названия песен, которые исполняла в молодости Габриэль Шанель.

Какое наслаждение – шепот Этьена, крепкие объятия, влажная от пота спина. Бальсан любит ее каждый день. Он любит ее!

Мысли закончились, и Габриэль провалилась в черную дурманящую ночь. Она падала, исчезала, обо всем забыла, ничего не понимала...

Остывающая, умиротворенная, Габриэль почти не почувствовала благодарного прикосновения губ к щеке. Этьен, нимало не смущаясь своей наготы – он никогда не стеснялся, в его поведении было столько завораживающей естественности, – подошел к туалетному столику. И, ловко приоткрыв портсигар, извлек сигарету и закурил.

Габриэль с досадой закусила губу. Ей не нравилось курить, как не нравились скачки. Она курила. Изображала из себя лихую наездницу и даже заказала себе у удивленного портного в Круа-Сент-Уан галифе. Слава господу, Руайо – не Париж, где недавно полиция задержала двух мадемуазель, осмелившихся совершить велосипедную прогулку в шароварах. Здесь нет никого, кто бы помешал Габриэль садиться на лошадь в одежде, которая предназначена для верховой езды! А Этьен... Он обожал, когда тонкий профиль «малышки Коко» окутывал сигаретный дым. И приходил в восторг от того, что на ипподроме его спутница – не просто мечтательная зрительница. Пришлось научиться дымить сигаретой и разбираться в лошадях. Пусть так. Все, что угодно, лишь бы перестать быть одной из *этих*.

«Может, даже хорошо, что Этьен не дает мне денег на наряды. Я одеваюсь просто и ничуть не напоминаю куртизанку. Но, с другой стороны, если Бальсан предпочитает не тратиться, а он не скуп, я точно знаю, он не скуп, – это означает одно. Я мало значу для него. Что же делать? Мне уже двадцать пять», – размышляла Габриэль, наблюдая за Этьеном.

Забыл предложить ей сигарету. Недоуменно вертит в руках маленькую соломенную шляпку. У Габриэль нет модистки. Да и не нравятся ей огромные шляпы, отделанные страусиными перьями, лентами и цветами, скрывающие лицо темной сеткой вуали. А вот на такую шляпку – простую, без украшений, подчеркивающую овал лица – внимания обращают куда больше.

Этьен положил канотье на столик и, выпуская колечки дыма, равнодушно заметил:

– Я получил письмо. Завтра, а может, даже и сегодня придут Эмильена Д'Алансон и Алек Картер.

Габриэль резко поднялась на постели. Да, замок постоянно полон гостей. Тренеры, наездники, конезаводчики. Алек – понятно, чемпион, хороший спортсмен, на его счету немало побед. Но Эмильена! Эта женщина была любовницей Этьена. По слухам, они даже жили пару лет вместе. И вот она едет к нему в гости. Зачем?! По какому праву?!

Она сдержала упреки – горькие, обжигающие. Ей хватило сил улыбнуться и взять дешевый роман в яркой обложке.

Покидая комнату Габриэль, Этьен заметил:

– Никогда не видел особы, которая бы с таким удовольствием бездельничала.

– Бывали времена и похуже, – пробормотала под нос Габриэль. – И потом, еще ведь ничего не ясно. Даст бог, Этьен все же женится на мне.

Она умела себя успокаивать. А что оставалось делать? Ведь рядом с ней обычно не было никого, кто мог бы утешить в сложную минуту.

Книжные страдания виконта, влюбленного в очаровательную замужнюю герцогиню, удерживали внимание Габриэль больше часа. Горячие солнечные лучи, пробившись между складками плотной парусиновой портьеры, уже вовсю хозяйничали в скромной комнатке, возможно, бывшей прежде кельей монахини.

Да и вообще, своды огромного замка Руайо, несмотря на все переделки, сделанные по заказу Этьена, еще хранили атмосферу монастыря. Выбеленные стены в покоях Габриэль постоянно напоминали ей о монастырском приюте, в котором прошло ее детство. Только бывшая комната аббатисы была хороша и по-настоящему шикарна – просторная, обитая светло-голубым шелком, с большой кроватью, бархатный альков которой скрывал стоящее в изголовье распятие. Но Этьен сделал вид, что не понял робких намеков своей «малышки Коко», и устроил ее в дальней тесной келье.

Отложив книгу, Габриэль позвонила в медный колокольчик. Франсуаза, толстая, вечно занятая хлопотами кухарка,

как обычно, не пришла. Просьбы «этой вертихвостки хозяйина», требовавшей по утрам кофе со сливками, казались ей не стоящими внимания.

Габриэль нехотя поднялась с постели, распахнула шкаф, в котором висело несколько костюмов и платьев, и улыбнулась.

Одежда придает сил и уверенности. Чистая, хорошо скроенная и очень простая одежда. Она доставляет такое удовольствие, что это оправдывает и заточение в Руайо, и сложные отношения с Этьеном, и обидное невнимание слуг.

В ее гардеробе лишь одно платье с корсетным лифом и длинной, украшенной оборками юбкой со шлейфом. К нему прилагается дурацкий зонтик, остроносые туфли с пряжками и шляпа с вульгарными цветами. Сопровождающая Этьена на ипподроме дама должна выглядеть соответственно. Никого не интересует, что в таком платье невозможно свободно передвигаться, что тугой лиф сдавливает грудь, а пряжки безжалостно натирают ноги. Впрочем, теперь еще грех жаловаться. Пышные воланы кринолинов и прикрепляющиеся к платью для создания пикантного силуэта турнюры остались в прошлом.

Зато остальные ее костюмы, пусть и сшитые деревенским портным, хороши и очень удобны. Габриэль выбрала простую белую блузку. Ах, сколько усилий потребовалось, чтобы объяснить портному: ей не нужно жабо, воротнички не являются непременным атрибутом блузы! Потом она доста-

ла приталенный серый жакет, напоминающий по покрою жюкеекий, но без отделки, и свободную прямую юбку.

Одевшись, чувствуя себя невероятно привлекательной, Габриэль заторопилась на кухню. Она миновала холл, прошла через комнату, оборудованную Этьеном для игры в сквош, и уже там уловила упоительные запахи *rotée champenoise*.³ При всех своих недостатках Франсуаза, как истинная эльзаска, была отменной кулинаркой.

Невероятно – на столе уже стоял поднос с кофейником, кувшинчик сливок и чашка. Кухарка, необъятная в своем рабочем платье и повязанном поверх него фартуке, колола сахар.

Франсуаза расплылась в улыбке и воскликнула:

– Габри, ты уже встала! Добрый день!

Темные глаза кухарки светились любопытством. Вот в чем причина того, что она в кои-то веки решила приготовить «вертихвостке» кофе со сливками!

Габриэль устроилась за столом, взяла с накрытого салфеткой блюда румяный круассан. И, прихлебывая горячий ароматный кофе, великодушно поделилась подробностями о приезде гостей.

Услышав, что ожидается визит Эмильены Д’Алансон и Алека Картера, Франсуаза с облегчением перекрестилась распухшими красными пальцами.

– Пресвятая Дева Мария! Как хорошо. Приедут прилич-

³ Свинина, окорок, колбасы и овощи, тушенные в шампанском.

ные господа, а не эта банда наездников со своими подругами! – обрадовалась она и стала ловко нарезать jambon sec.⁴ – После устроенной хулиганами битвы подушками горничная Мари полдня убирала спальни. А туфельки этих вертихвосток, прибитые к полу!

Габриэль расхохоталась, вспомнив милые проказы Этьена, в которых она с удовольствием участвовала. А ведь Франсуаза еще не знает, что, дождавшись, пока гости уснут, Этьен и Габриэль мазали безмятежно посапывающие лица кремом для бритья. Вот смеху-то было!

Заслышав звук подъезжающего экипажа, Габриэль отставила чашку и выглянула в окно. Любопытная Франсуаза тоже тотчас прильнула к стеклу.

По желтой дороге, окаймленной зелеными прямоугольниками полей и вековыми буками, взбивали пыль две тройки лошадей.

«Эмильена и Алек едут в разных экипажах? Как странно!» – подумала Габриэль, пулей вылетая из кухни.

На широких ступенях замка уже толпилось множество людей. Зоркий взгляд девушки различил Этьена, который, прикрыв глаза от солнца ладонью, вглядывался в даль. Лакей Жак, конюхи, садовник – все напряженно ждали, и даже любопытная хорошенькая горничная Мари украдкой выглядывала из-за колонны.

Габриэль казалось – ее сердце остановится от волнения.

⁴ Эльзасская закуска из копченого окорока.

Сейчас она увидит ту женщину, с которой Этьен делил кров и постель. Она красива? Изысканна? Только бы Эмильена подурнела так сильно, чтобы Этьен не вспомнил о прежних чувствах!

Сердце не остановилось – оно забилось настолько сильно, что Габриэль стало трудно дышать.

Когда подъехали экипажи и Этьен помогал бывшей любовнице выйти и здоровался с ее молоденьким кавалером, Габриэль позабыла обо всем на свете. Из второго экипажа ловко выпрыгнул высокий мужчина. Его темные зачесанные назад волосы чуть блестели от бриолина, а карие глаза смотрели так заинтересованно, ласково и... так неправильно, что Габриэль, почему-то вдруг задыхаясь, не смогла сделать и шагу навстречу гостям.

2

Омар, съеденный за обедом в обществе Папика, настойчиво рвался на свободу. Веста Каширцева прилежно делала глубокие вдохи и выдохи, стараясь предотвратить изгнание из организма дорогого полезного морепродукта. Подставляла лицо промозглому мартовскому ветру, влетающему в салон джипа через открытое окошко. И даже покрикивала на водителя Папика, белобрысого увальня Вадима, чтобы тот побыстрее проскочил пробку на Тверской.

Водитель, сочувственно посмотрев на побледневшее лицо девушки, с огорчением заметил:

– Ох, Веста. Уморишь ты себя! Совсем ведь не жрешь ничего. Так нельзя. Ты худая, как щепка! Зачем тебе этот твой подиум? Тебе что, Сергей Павлович мало денег дает? На жизнь ведь хватает?

...Шеф Вадима, он же крутой банкир Сергей Павлович Зорин, он же Папик, скупостью и правда не отличался. Куда уж еще и скупость к полному комплекту «достоинств»: лысине, округлому брюшку, почему-то всегда вонючим носкам и ревнивой супруге. Если бы Папик еще жадничал – у него не было бы никаких шансов иногда прикасаться к Весте. Как девушка красивая, она прекрасно знала себе цену, и Папику приходилось раскошеливаться. На квартиру в элитном жилом комплексе, на пучеглазенький «Мерседес», на брил-

лианты ко всем праздникам. Конечно, Веста предпочла бы видеть рядом симпатичного веселого олигарха. Но что поде-лаешь: олигархов мало, красивых манекенщиц, актрис и пе-вичек пруд пруди. Так что у молодых-богатых полный ком-плект и жен, и любовниц. Приходится пока довольствоваться старперами вроде занудного Папика. Но всю жизнь мор-щиться от сырного запаха носков и наваливающегося жирно-го брюха? Ужасная перспектива. Чтобы подыскать кого-ни-будь попримечательнее, надо ни в коем случае не оставлять рабо-ту. Вокруг модельного бизнеса всегда крутится масса бога-тых мужиков. Да, сама работа – каторга не приведи господь. Это на картинках в глянцевом журнале все чинно, благород-но и красиво. А пока придешь в форму, которая необходима для съемки, – не то что в камеру глядеть, жить не хочется. И проблемы с желудком, бунтующим от вечного недоедания, – это еще цветочки. А каждодневная многочасовая гимнасти-ка? А операции постоянные – с живота и бедер последние капли жира убрать, в губы закачать? А показы, кастинги? Но игра стоит свеч.

...Впрочем, посвящать Вадима во все эти тонкости Веста не стала. Улыбнулась отрепетированной под строгим кон-тролем президентши модельного агентства обворожитель-ной улыбкой и сказала:

- У женщины в жизни должно быть дело.
- Было у тебя уже дело, – ехидно усмехнулся Вадим и оже-сточенно засигналил заглохнувшему впереди «жигуленку».

...Веста сразу поняла, на что намекает водитель Папика. Как только с ней заключили пару приличных контрактов, журналисты заинтересовались: что за модель, откуда она. На такой случай в пиар-службе агентства всегда имеются отлаженные приличные биографии. Разогнать бы эту контору к чертовой матери! Только деньги напрасно получают. Ведь журналисты всегда все пронюхивают. И Веста Каширцева не стала исключением. Писаки раскопали абсолютно все. И про родителей – алкашей поганых. И про то, как на рынке она с пятнадцати лет фрукты продавала. Одноклассники, добрые люди, ничего скрывать не стали. «Красавица Веста училась на двойки и воровала пирожки в столовой», – гласил заголовок. Все это – чистая правда. Какие уроки, когда над ухом мать с отцом бутылку поделить не могут? Какие принципы, если от голода перед глазами дрожат, расплываются яркие цветочные круги? Даже не вспомнить, как она эти пирожки крала. А когда их уминала до последней крошечки – сытая тупая радость просто заполняла ее всю, и это было так приятно. Откуда появилась еда, не имело ровным счетом никакого значения...

Она и школу поэтому бросила, и на рынок устроилась. Поближе к продуктам. Хоть какая-то да пища. Дома – шаром покати... Подгнившие бананы хозяин лотка разрешал съедать. Добродушный, как все кавказцы, он любил русских женщин. Только Веста его никогда в этом качестве не интересовала – худющая, бедно одетая, с затравленным взгля-

дом. Да она бы до сих пор мерзла на этом занюханном рынке, если бы не Ира Суханова. Это чудо, что президентша решила провести кастинг в их провинциальном городишке. Чудо, что забежала на рынок, что в тот день работала не рыжая толстая Танька, а Веста. Разве пошла бы она сама, без приглашения, на кастинг? Да ни в жизнь, ведь и слова-то такого не знала. У нее на тот момент одна мечта имелась – колготки купить с лайкрой, в моде они тогда были. Какие показы? Какие съемки? В те годы цели казались простыми и понятными, как пять копеек. Не окоченеть на рынке. Покушать. И купить, наконец, вожаделенные колготки.

Президентша агентства ее спасла. Безусловно. Но Ирина, кстати, как и Папик, никогда не вспоминает, как восходящая модельная звезда на том рынке торговала.

А Вадим – москвич, видите ли, выискался. Белая кость. Сам простым водилой вкалывает, а над Вестой хихикает. Хотя она за один показ на Неделе высокой моды получает больше, чем Вадик за месяц. Но какой смысл говорить ему об этом? Пускай радуется собственной значимости. Зачем дуракам доказывать, что они далеки от совершенства?

– ... Жизнь – это американские горки, – с рефлекторно милой интонацией произнесла Веста. Омар наконец угомонился в ее плоском подтянутом животике. – Сегодня ты наверху, а завтра ка-ак скатишься. Или наоборот.

Вадим поморщился.

– Мне эти материи до лампочки. По мне, так баба должна

дома сидеть и борщи варить. А не задницей перед другими мужиками вертеть.

– Ты прав, конечно, – нежно чуть ли не пропела Веста и уставилась в окно.

Спорить с Вадимом скучно. Впрочем, кто знает... Если вдруг все сложится удачно, так, как она рассчитывает, больше не будет никакого Папика. И, соответственно, Вадима!

Джип притормозил у «новой русской высотки», словно плывущей по Москве-реке, и Веста опять мило улыбнулась. Ирина школа. Суханова всегда говорила: «*Кукусики!* Делайте выражение лица, приятное для *людев*». Манекенщицы хихикали над нарочитыми ошибками начальницы, но очень скоро Веста поняла, что по сути Ира права. Камера фотографа фиксирует не только тело, но и душу. И если в ней нет теплого света, доброжелательности – снимки вряд ли заинтересуют потенциальных работодателей. Профессиональная целесообразность – быть белой и пушистой. Если не быть – то хотя бы казаться. И даже когда мозг подсчитывает проценты гонорара или оценивает стоимость очередного подарка Папика, на лице, в глазах должно отражаться совсем другое.

Попрощавшись с водителем, Веста выпорхнула из джипа, и пару шагов до подъезда ее спина пылала от буравящего черную кожаную курточку взгляда Вадима.

«Хороша Маша, да не наша», – мстительно подумала девушка, пересекая просторный мраморный холл.

Как ее радовал этот блеск, и предупредительная консьержка, и бесшумный лифт, останавливающийся у двери роскошного пентхауса! Только когда-то живший в вонючей коммуналке может по-настоящему оценить ту свободу и комфорт, который дают деньги...

Войдя в прихожую, Веста первым делом бросила взгляд в огромное, во всю стену, зеркало. Когда она его впервые увидела – чуть не придушила от радости Папика. Единственное зеркало, в котором целиком умещаются ноги! Какое счастье!

Убедившись, что длинные стройные ножки, едва прикрытые коротенькой клетчатой юбочкой, по-прежнему чудо как хороши, Веста пристально изучила свое ненакрашенное, как обычно вне подиума, лицо. Огромные карие глаза, вздернутый носик, пухленькие губы... Первая морщинка на лбу, едва заметная. Морщинка – мелочи. Можно прикрыть челкой – и нет ее. И все же она, даже без косметики, выглядит чуть старше своих двадцати двух лет. Брюнетка, смуглая кожа – такие всегда кажутся взрослее. Впрочем, с учетом последних событий, это скорее может рассматриваться как достоинство...

Больше всего на свете Весте в настоящий момент хотелось забраться в джакузи и помечтать про радужные перспективы. Однако через три часа ее ждали на показе купальников, поэтому она не стала терять ни минуты.

Быстро сбросила одежду, проэпилировала ноги, приняла душ. Потом проверила содержимое сумки. Все в порядке:

косметика на тот случай, если крема и тени визажиста ей не понравятся. Туфли на высоком каблуке. Иногда на показах, особенно белья и купальников, не находится обуви нужного размера. На всякий пожарный все девочки носят с собой пару «шпилек». И, конечно, портфолио. А вдруг нагрянет птица счастья, надо будет показать себя во всей красе.

Черные джинсы, простенький свитерок, ботинки на плоской подошве. Сиротка или отправляющаяся на показ модель – они выглядят примерно одинаково.

Веста собрала длинные волосы заколкой, набросила куртку и захлопнула за собой дверь.

В гараже, куда за считанные секунды ее доставил бесшумный услужливый лифт, девушка быстро разыскала свою машину. Серебристый глазастенький «Мерседес», легкий, изящный, с голубыми стеклами, снова заставил мысленно поблагодарить Папика. Ради одной этой тачки можно смириться с его вечным занудством и дневными свиданиями. По вечерам Папик прилежно играет роль верного супруга...

Веста щелкнула брелком и опустилась на водительское сиденье. Привычный поворот ключа вдруг вызвал какие-то скребущие звуки из-под капота.

– Не может быть! Он же всегда заводился, – пробормотала девушка, терзая замок зажигания.

Ее красавец не хотел никуда ехать – какой кошмар!!!

Стрелки часиков от «Chaumet» неумолимо спешили к началу показа.

«Потом разберусь с машиной. Вызывать техпомощь просто нет времени», – решила Веста, с сожалением выходя из автомобиля.

Она бросила последний взгляд в салон и с досадой нахмурилась. Всем хорош серебристый «Мерседес». Только кнопка включения противотуманных фар расположена неудобно, в нижней части панели. Кнопку волей-неволей задеваешь коленкой. Ноги-то длиннющие. Вот, задела, не заметила, «противотуманки» остались включенными. И пожалуйста – аккумулятор сел...

Веста вышла из гаража и заторопилась к шоссе. Там она остановит такси. А может, и ждать машину не придется – вдруг подхватит какой-нибудь водила и подбросит до центра?

Девушка подняла руку и с радостью заметила: приближающийся автомобиль показывает сигнал остановки.

Скорее выйти на проезжую часть. Она заплатит любые деньги. «Хорошая модель всегда приходит вовремя», – повторяет Ира Суханова.

Все произошло очень быстро. Девушка успела удивиться тому, что притормаживающая машина вдруг набрала скорость. И Веста попыталась запрыгнуть на бордюр, но тяжелый удар потушил этот мир. Навсегда...

Буквально днями раньше журналистка и писательница Лика Вронская уверенно бы сказала: «Март – мой любимый месяц». По ночам Москву еще студит ледяное дыхание ветра. Мокрый снег засыпает улицы, и прохожие брезгливо прячутся от него в воротники и капюшоны легких пальто. Но загазованный московский воздух уже отчаянно пахнет весной. А в разрывах свинцовых туч показываются клочки голубого неба, такие чистые, такие забытые в битвах с зимними морозами, что хочется... Всего и сразу. Писать статьи в еженедельник «Ведомости». Урвав пару часов от сна, сочинять детективные романы. Они всегда особенные, «весенние» книги – энергичные, неожиданные, легкие и светлые. А еще в марте с новыми силами хочется любить. Пока слишком прохладно для того, чтобы заменить джинсы и теплые свитера невесомыми платьями и сексуальными костюмчиками, но это уже хочется сделать, и *предвкушение* красоты, *предчувствие* любви заставляют сердце радостно замирать.

За окнами буйствовал март со всеми своими достоинствами и недостатками. Лика уныло прокуривала кухню и думала о том, что была не права. Главный ингредиент в дурманящем весеннем коктейле – не первая ласка просыпающегося солнца. И не еще сжавшиеся, сухонькие почки на ветке липы, скребущей по стеклу. Любовь. Мужчина. Вот так все

просто. Как в незатейливой песенке Тани Овсиенко. «Женское счастье – был бы милый рядом». Для всех. Даже, как выяснилось, для чрезвычайно занятых творческих особ.

– Эх, Пашка, Пашка, – прошептала Лика, стряхивая пепел мимо пепельницы. – У меня дырка в груди. Как ты мог, уродище, так со мной поступить!

...Они несколько лет прожили вместе. Гражданским браком. А что меняет штамп в паспорте? Свадьба – радость для многочисленных родственников, которые почему-то впадают в неописуемый восторг при виде своих «птенчиков», облаченных в костюм и белое платье. Лику тошнило при одной мысли об этом мероприятии. Угробить минимум два дня жизни на развлечение родни? А самой мучиться в неудобном платьишке? Ну уж дудки! Жизнь коротка. И использовать ее надо рационально.

Что еще дает регистрация отношений? Возможность оттяпать часть имущества мужа в случае развода. Но здесь не тот случай. Зачем Пашина квартира, если имеется собственная? Да и зарабатывала Лика всегда прилично. Смысл претендовать на Пашины деньги, когда своих хватает?

Дети. Пожалуй, то единственное, ради чего стоит смириться и пройти через нудную церемонию. Тогда штамп в паспорте действительно дает ряд преимуществ. У ребенка есть официальный отец, детеныш не страдает от косых взглядов, не чувствует себя обделенным. Что ни говори, а для малыша это важно. Однако Лика не торопилась заводить ре-

бенка. Вначале просто было боязно. Да, Паша – хороший парень, с ним все в радость: и бродить по улицам, и мчаться в постель, и молчать. Но смогут ли они ужиться вместе? Начало совместной жизни и притирка характеров – то еще испытание. Они и правда пару раз разбегались с твердой уверенностью, что не подходят друг другу. Но потом Паша решил, что клейкие магазинные пельмени и постоянные Ликины командировки все же менее существенны, чем радость совместного пробуждения. А Лика перестала раздражаться из-за вечных упреков и ревности бойфренда.

Паша часто говорил: «Давай плодиться! Старушка, о чем ты думаешь? Репродуктивный возраст поджимает». Тянуть и правда было дальше некуда. Лике как-то незаметно исполнилось двадцать девять. И Вронская прекрасно понимала: по медицинским параметрам она уже прочно засела в безжалостной категории «старородящих». Еще пяток лет побегаёт из редакции в издательство – и могут начаться проблемы с беременностью, вынашиванием ребенка, родами.

Пашка нажимал, и Лика судорожно пыталась понять: хочет ли она, чтобы ребенок появился именно от этого мужчины? Любовь, нежность, благодарность за совместно прожитые годы – все вдруг отступило перед генетическим инстинктом заботящейся о будущем потомстве самки. Лике приходилось видеть Пашу в разных ситуациях, в том числе и в очень непростых, и в конце концов сомнения отпали. «Подходит», – решила она и даже не возмутилась, когда бой-

френд отправил в мусорное ведро противозачаточные таблетки. Лика планировала сдать в издательство очередной роман, пройти с Пашкой полное медицинское обследование и сделать, наконец, то, к чему стремится каждая женщина.

И вот тогда выяснилось такое...

Все оказалось не так. Не так, как в книгах – чужих и собственных. Измена любимого человека шокирует настолько сильно, что заботливое подсознание просто блокирует все чувства и эмоции.

Лика, уставшая от походов по торговому центру, особенно многолюдному в связи с распродажей, мечтала о прохладной минералке. И в руках множество пакетов, неудобно-то как. Но радостно – выбрала себе и Пашке кучу обновок. В кафе расслаживаться времени особо нет – через два часа интервью, собеседник непростой, политолог, очень умный, эмоциональный. И вдруг исчезло все – жажда, звуки, планы... Лика инстинктивно укрылась за колонной и оттуда наблюдала за столиком у прозрачной витрины кафе.

Вот ее Пашка. Знакомый и родной. Любимые русые вихры торчат на затылке. Очки поправляет, большинство программистов – как слепые котята, монитор компьютера безжалостен к зрению. На бойфренде свитер, бежевый, крупной вязки, Паша его особенно любит: наметился животик, а свитер свободный, скрывает небольшую полноту. Все понятно. Кроме одного.

Пашина ладонь накрывает руку брюнетки. Брюнетка. Кра-

сивая – короткое каре, ровный профиль, ресницы шикарные. Фигуру не рассмотреть, но, судя по прямой осанке и обтянутой красной водолазкой груди, с экстерьером у девушки все в порядке.

Пашка отводит непослушные пряди волос с ее лица. Торопливо снимает очки, и... целует эту девчонку! Его глаза закрыты, а лицо – такое счастливое, полное блаженства.

Слишком хорошо знакомое.

Точно такое же.

Он целует другие губы.

Оглушенная, растерянная, Лика стояла за колонной, наблюдала за немым кино очень четких, совершенно недвусмысленных сцен. Героини ее детективов в таких ситуациях кричали, выясняли отношения, колотили коварных предателей и вцеплялись в волосы «гнусным девкам». Вронская молча подхватила пакеты и пошла к машине.

Она не плакала. Совершенно ничего не чувствовала. Отчасти, возможно, это было связано с работой. Времени до интервью – всего ничего. Даже если получится дозвониться до редакции и отловить свободного журналиста, он не успеет не то что подготовиться к разговору – добраться не сможет. Наземная Москва стоит в пробках. В подземной тоже становится все сложнее – гигантские людские потоки сдерживают движение по переходам, тормозят на эскалаторах, не всегда позволяют втиснуться в вагон поезда. Никто не успеет. Никто не поможет. А статья запланирована в номер. И кровь

из носа, цунами и наводнения, изменяющий бойфренд и его брюнетка – а материал все равно должен быть сдан вовремя.

Как робот, Лика доехала до исследовательского центра, где ее ждал политолог. Даже не опоздала. На автопилоте задала необходимые вопросы, поглядывая время от времени на красную лампочку диктофона. Горит, все в порядке, батарейки не сели, запись ведется...

Она спрашивала о нюансах политической жизни, и вместе с тем какая-то часть мозга анализировала собственную жизнь, собственный опыт. Часто мотается по командировкам. Знает: мужики при первом удобном случае кадрят девушек. Например, случайные подружки фотокора Лешки, как правило, в подметки не годятся красивой законной супруге. Лешка объясняет:

– Это же не измена. Я по-прежнему люблю жену. Просто лишний раз убеждаюсь, что она лучшая. Она теряет оттого, что я трахну «левую» бабу? Наоборот – мне слегка стыдно. Я понимаю, что жена все равно лучше. И делаю все для того, чтобы она была довольна. В моей душе словно две параллельные полочки. Они не пересекаются. Семейная – главная. Но вторая тоже должна быть.

Итак, и у Паши оказались полочки. И что же теперь со всем этим делать?

Записав интервью, Лика поехала в редакцию. Подготовила текст, выслушала от редактора «Ведомостей» замечания по поводу несовершенства работы газеты вообще и лично ее

работы в частности.

Редактор издания, два метра красоты с коэффициентом ай-кью в районе гениальности, Андрей Иванович Красноперов вообще-то мужик добродушный. Но накануне сдачи номера всякий раз случался какой-нибудь журналистский «пожар», и нервы шефа порой не выдерживали.

Вронская не без удовольствия поругалась с начальником. Вычитала все газетные полосы, включая те, на которых находилась программа телепередач и кроссворды. И с радостью почитала бы что-нибудь еще, но газета закончилась. Пришлось ехать в то место, которое в первой половине дня еще считалось семейным очагом.

– Привет, любимая!

Пашины губы легонько коснулись щеки. Противно? Да нет...

– Разогреть ужин? – поинтересовался он.

Голос звучит заботливо...

Лица покачала головой:

– Устала, есть не хочется. Чаю попью.

Вот только тогда, на кухне, знавшей все об их мечтах и ссорах, Лица почувствовала первые иголки боли, заколовшие сердце.

«Почему?! – спрашивала она мысленно у Пашки, который, ничего не подозревая, грыз вафли. – Чего тебе не хватало?! Если ты разлюбил меня. Если не нравлюсь. Почему прямо об этом не сказать?!»

Она отставила чашку и тихо спросила:

– Паша... А ты уверен, что хочешь ребенка? Нам первые годы придется сложно. Ты точно знаешь, что действительно сильно любишь меня, что вынесешь мой токсикоз, придирки, детский плач?

– Глупышка, – Паша коснулся светлых Ликиных локонов, и она невольно отстранилась, – конечно же, люблю. Когда пойдем анализы сдавать?

Бойфренд казался таким любящим, озабоченным, внимательным – прямо-таки мечта любой женщины.

Нет, Лика не решила, что она ошиблась. С глазами, слава богу, у нее все в порядке, галлюцинаций тоже раньше не наблюдалось.

Но вдруг. Вдруг все-таки это какое-то недоразумение. Глупый спор, минутный порыв...

В сочинении детективов масса преимуществ. Это интересно. Позволяет оставить значительный след в жизни. Статьи живут неделю, книги – намного дольше. А еще появляется масса знакомых в правоохранительных органах.

Через пару дней, получив распечатку Пашиных звонков и понаблюдав за бойфрендом, Лика убедилась: все просто ужасно. Паша звонит своей брюнетке каждый день, они встречаются в ее квартире, часто вместе обедают. Причем Паша выбирает те кафе, где вероятность Ликиного появления минимальна. Она и в торговый центр-то тот, кстати, случайно заехала, он не входил в число любимых мест шопинга.

Просто объявление о распродаже, замеченное из окна машины, показалось очень уж заманчивым.

И вот тогда, когда не осталось ни малейших сомнений в том, что Паша изменяет давно, цинично, Лика орала так, что сел голос.

Раскаяние? Нет, ни тени раскаяния и сожаления не промелькнуло на Пашином лице. И он слишком хорошо знал склад Ликиного характера, чтобы оправдываться. Собрав свои вещи, он просто сказал:

– Прощай... Я понимаю твою обиду. Хотя так живут все. Я люблю тебя. И не хотел делать тебе больно.

– Пошел вон! – прокричала Лика.

Ее трясло от ненависти. Так живут все! Ну надо же!

– Пошел вон! Но прежде чем ты уйдешь, я хочу тебе рассказать кое-что! Я тоже тебе изменяла. Да! Это случилось один раз, во время командировки в Чечню. Там заварилась жуткая каша! Меня чуть не убили! И я сама соблазнила спецназовца, потому что если бы я этого не сделала, то просто сошла бы с ума! – Она выкрикивала эти фразы и радовалась, что Пашино лицо исказила гримаса боли. – Я понимаю, что контролировать можно далеко не все. И не всегда. В порыве эмоций, в стрессовой ситуации происходит такое, о чем потом жалеешь. Но ты же! Паша, это совсем другая история! Ты встречался с этой девушкой, ты спал с ней, а потом шел домой и спал со мной, и выкидывал мои контрацептивы! Я не знаю, сколько это продолжалось! Мне принесли распечат-

ку твоих звонков за полгода. Минимум полгода!

Через полчаса после того, как за Пашей закрылась дверь, Лика уже ждала, что он вернется. Или позвонит. Одиночество разверзлось страшной пропастью, и плевать на самолюбие, лишь бы не скатиться, только бы удержаться...

...Заливистая трель сотового телефона прервала горестные воспоминания. Лика схватила мобильный и разочарованно вздохнула. На дисплее крошки – «Самсунга» высветился номер Иры Сухановой.

– Лика, у тебя ни стыда ни совести!

– Согласна...

Подруга, президент агентства «Supermodels» Ира Суханова уже неделю просила Лику подъехать в агентство и помочь в написании интервью. Разговаривать с журналистами Ира Суханова не любила, но, поскольку время от времени требовалось «светиться» в прессе, стала просить присылать вопросы по электронной почте. Уровень работы собственной пиар-службы ее не устраивал, интервью получались кондовыми и безжизненными. Она как-то пожаловалась на это Лике, и та за полчаса подготовила легко читающийся интересный текст. С той поры Вронской иногда приходилось выступать в роли личного пресс-секретаря.

Суханова не унималась:

– Я обещала журналистам подготовить ответы на прошлой неделе! А это, между прочим, крутой гляцевый журнал. Я должна пропиарить своих девчонок!

– Ир, прости, забегалась, – пробормотала Лика. – Если хочешь, я приеду через час-полтора.

– Жду! – коротко бросила Ира и отключилась.

«В конце концов, это к лучшему, – думала Лика, направляясь на стоянку к своему небесно-голубому „фордику“. – Подготовлю Ирише интервью, а потом нажалуюсь на Пашку. Маме я про всю эту историю не рассказывала. Она уже вяжет пинетки будущему внуку... А больше делиться особо не с кем».

Однако посплетничать с подругой не получилось. Едва Лика закончила работу, в Ирин стильный кабинет вбежала высокая тоненькая девушка.

– Весту Каширцеву сбила машина! – задыхаясь от волнения, выкрикнула она.

По ее хорошенькой мордашке потекли черные струйки туши...

«Господи, как хорошо, что с Леркой все в порядке», – подумала Ирина Суханова и сразу же застыдилась этой мысли. Но что поделаешь. Первая реакция материнского сердца... Дочери недавно исполнилось тринадцать лет. Ирина подарила Лере вожеленный MP3-плеер, добавив себе новый повод для беспокойства. Лерочка и так рассеянная, а уж когда идет в наушниках – вообще ничего не замечает. Ире то казалось, что к девочке, привлеченные злополучным плеером, прицепятся хулиганы. То представлялось, как дочь, оглушенная музыкой, не увидит вылетающего из-за угла автомобиля...

«Слава богу, с дочерью ничего не случилось. Бедная, бедная Весточка. Невозможно поверить, что ее больше нет...» – думала Ира, прислушиваясь к рассказу всхлипывающей Кати Родимовой.

Подробностей произошедшего с Вестой Катя толком не знала.

– Позвонили из милиции. Сказали, что насмерть. Телефон наш отыскали, я так поняла, в портфолио Весты. Про родственников спросили, – Катя схватила протянутый Ликой Вронской стакан воды и сделала пару глотков. – А... еще сказали, что тот подонок скрылся. Завтра попросили вас прийти в милицию, адрес я записала.

– Почему завтра? – тихо поинтересовалась Ира.

Ли́ка сочувственно посмотрела на подружку и, налив ей воды, пояснила:

– Порядок такой, Ир. Там сейчас не до нас просто. По горячим следам опера работают. Свидетелей опрашивают. Вдруг кто-то видел, как это случилось. В таких ситуациях важно как можно быстрее все выяснить.

Ира слушала Лику, и масштаб возможных неприятностей пугал ее все больше и больше.

– То есть как? Теперь менты ходят по соседям и всем рассказывают про то, что Весту сбила машина? – с тревогой уточнила она.

Ли́ка кивнула.

– А как иначе? Уголовное дело возбудят. Водителя попытаются разыскать. Ир, человек погиб... На месте происшествия сейчас куча народу. Дежурный следователь, эксперты, криминалисты, опера, милиционеры с участка по месту жительства. Тебя завтра в милицию вызывают. Возможно, потом и в прокуратуру придется подъехать. Если у следователя возникнут вопросы по протоколу твоего допроса.

– Катерина, оставь нас, – распорядилась Суханова. И, дождавшись, пока одна из лучших моделей агентства скроется за дверью, повернулась к Ли́ке: – Сколько надо отстегнуть и кому, чтобы ничего этого не было?

Ли́ка принялась нервно накручивать на палец светлые пряди волос. Потом засыпала вопросами:

– Как не было? Чего не было? Ира, я не понимаю. Объяс-

ни, что происходит? Меня удивляет твоя реакция. Девочка погибла! Разве ты не хочешь, чтобы все выяснилось?

– Хочу, – твердо заявила Ира. – Для меня все мои девчонки и мальчишки – как дети родные. Конечно, хочу. Но...

Мысли Иры Сухановой путались. Она пустилась в сбивчивые объяснения. То, что случилось с Вестой, – не просто трагедия. Катастрофа. Девушка уже шесть лет работает в Москве. Приехала из провинции, где жила в жутких условиях, но эти трудности закалили характер. Веста всеми силами старалась сделать карьеру, работала как лошадь, потому что возвращаться ей было некуда и не к кому. Конечно, раскручивала состоятельных кавалеров. Редко кто из моделей может устоять перед соблазном получить все и сразу. Но богатый поклонник не являлся пределом ее мечтаний. Девушка стремилась к самостоятельности. Поэтому и хваталась за любой мало-мальски приличный заказ и отработывала его со всей энергией. Ее часто приглашали на показы – грациозная, как кошка, прирожденная манекенщица, основы походки и повороты освоила буквально в считанные недели. Ее часто снимали – выразительнейшее лицо, идеальная кожа. Смерть Весты – большой удар для агентства, многочисленные контракты этой девушки приносили немалый процент. Да и человека до слез жалко! Только на ноги девчонка стала, только у нее жизнь наладилась – и такой финал... Однако сейчас надо попытаться обуздать эмоции и замять дело. Хотя бы на какой-то период, месяца на два-три. У «Supermodels» есть

шанс выйти на принципиально новый уровень. Конечно, гибель Весты все осложняет, она была в числе девочек, отобранных для участия в новом проекте с французами. Всего пригласили трех манекенщиц. Одну из них Лика уже видела – Катя Родимова. У девочки большой потенциал. Вторая, Арина Иванова, непонятно по каким параметрам заинтересовала французов. Очень стандартный типаж. Вне всяких сомнений, Веста обошла бы их обеих, но... Случилось то, что случилось. А теперь очень важно, чтобы кому-то из двух девчонок удалось пройти этот путь. В случае успеха агентство и модель получат очень большие деньги.

– Подожди, – перебила Лика. – Ты недоговариваешь. Какой проект? Ир, не темни! Если у твоей Весты были конкурентки, то ты же понимаешь: речь может идти совсем не о несчастном случае!

Ира глубоко вздохнула и, взяв с подруги обещание, что все сказанное сохранится в тайне, продолжила рассказ:

– У моих девочек есть шанс сняться для рекламы духов «Chanel № 5». Наверное, даже ты понимаешь: бюджеты таких кампаний исчисляются миллионами. И гонорар модели, и мои проценты, и доля французской стороны, выступающей посредником, составят более чем приличные суммы. Но как только информация о произошедшем выльется наружу, с нами разорвут все отношения. Никого не будет интересоваться, случайна смерть Весты или нет. Chanel – это имя, это высочайший уровень, они просто откажутся от сотрудниче-

ства в случае появления малейших намеков на темную историю! Мне нужно спрятать концы. Еще пару лет назад я сама разрулила бы эту ситуацию. Но ты же в курсе: олигарх, реальный владелец нашего агентства, уже год как под следствием. Да, у меня есть «крыша», пара «братков». Но максимум, что они могут, – это морду кому-нибудь набить. Не по Сеньке шапка, понимаешь! Поэтому, Лика, умоляю тебя, помоги! И чтобы никаких журналистов!

Лика вскочила с черного кожаного кресла и, озабоченно наморщив лоб, заходила по кабинету.

Подумав, она затараторила:

– Ириша, нереально. По линии следствия никто не возьмет на себя такую ответственность. Новость о гибели Весты уже обсуждает твое агентство. И любой следак просчитает: все равно информация уйдет. Кто-нибудь из твоих девочек рано или поздно проболтается о произошедшем, обо всем узнают твои конкуренты. 99 процентов из 100, что все выплывет наружу. Потом, в плане газет и телевидения. У многих оперов есть знакомые журналисты. Менты или за небольшие деньги, или просто по дружбе рассказывают о необычных происшествиях. Гибель известной модели – горячая тема. Ира... Я не знаю, что делать в данной ситуации. У меня и знакомых репортеров нет в этой сфере. И я поставила себя на их место. Мне звонит коллега и просит-умоляет не давать в номер сенсацию. Корпоративная солидарность – сильная штука, однако не до такой же степени!

Ира закусила губу. Но не бывает безвыходных ситуаций! Не бывает! Всегда можно что-нибудь придумать!

– Сколько времени может занять розыск водителя? – нервно спросила она, с раздражением глядя на Лику. Подруга называется: как надо помочь – сразу же в кусты. – Слушай, вот еще идея. А что, если сейчас поехать на квартиру Весты и подбросить туда пакетик с кокаином? Девочка под кайфом попала под машину. Тогда все будет выглядеть как личные проблемы модели. Конечно, агентство это не украсит, но...

– Ира! Прости, но ты идиотка! Кто тебя пустит сейчас на квартиру Весты! Что значит подбросить кокаин? А результаты вскрытия? И откуда у тебя кокс, кстати?

Суханова молча пожала плечами. Оттуда! Нужен иногда бывает!

– Ира! Оставь дурные мысли! У Весты дома уже все осмотрели, обыскали и запротоколировали! Эксперты доложат следователю все, что Веста ела, что пила. Так что твоя идея попросту глупа! Я все поняла. Ты думаешь, что к этому причастны твои девчонки? Да?

– Возможно. Не хочу в это верить. Очень боюсь. И через неделю нам лететь в Париж. Секретарша уже все документы на визы сдала.

Лику вытащила из рюкзака записную книжку, задумчиво зашелестела страницами.

– Ума не приложу, кому звонить, как выпутываться из всей этой истории. И еще неизвестно, стоит ли. Не нравится

мне это, очень не нравится. Ладно, я поскакала в машину. На ходу что-нибудь соображу, времени в обрез.

– Подожди! Я хочу дать тебе денег. Может, понадобятся.

«Помоги мне, Лика, пожалуйста. Весту не вернешь. Но если этот план реализуется – я сделаю то, чего еще не удавалось никому», – проводив глазами скрывшуюся за дверью подругу, подумала Ира Суханова. И вместе с тем отчетливо понимала, что поступает неправильно. Но ведь цель оправдывает средства...

Ник Перьев готовил студию к съемке. Настроение у него было не ахти. Конечно, он не испытывал к Весте Каширцевой особо пламенных чувств. Как и к любой девушке. Женщины фотографа агентства «Supermodels» совершенно не интересовали по нескольким причинам.

...Кому, как не фотографам, знать: современная женская красота – это миф. Искусство визажиста и парикмахера. Труд тренеров фитнес-центров и пластических хирургов. Мастерство тех, кто, выбрав наиболее выгодный ракурс, щелкает фотоаппаратом. А если абстрагироваться от всех этих аспектов и взглянуть на женщину без ретуши, то что мы увидим? Очень плохие пропорции. Широкий таз, округлые бедра, короткие ноги. Большинство среднестатистических мужчин сложено куда лучше элитных красоток, рассекающих коридоры агентства Иры Сухановой.

Природу не обманешь. Женщина создана для того, чтобы быть матерью, а не разгуливать по подиуму. Для материнства полные бедра и складочки жира в районе талии – плюс, это способствует появлению здорового потомства. И природе совершенно наплевать на то, что сегодня девочки думают не о здоровом ребенке, а о том, как попасть на обложки глянцевого журнала. Природа не вносила и не будет вносить никаких корректив в принципы устройства женского орга-

низма. Вот почему даже у день и ночь занимающихся своей внешностью моделек то целлюлит на худенькой ножке вдруг обозначится, то животик наметится, то спинка «поплывет». Впрочем, не в одной эстетике дело. Женский мозг поверхностен и примитивен. Женская сущность – постоянное вранье.

Ник у всегда было проще иметь дело с парнями. Мужчины надежнее, понятнее, они более предсказуемы. И более красивые.

А еще он очень рано понял: мир устроен неправильно, большинство мужчин в восторге от некрасивых и глупеньких созданий. Его школьный друг, заставлявший сердце то замирать, то усиленно биться, безжалостно посмеялся над неловкими объятиями Ника. И стал провожать домой девочку с пухлыми щечками и большой попой... А позднее Ник осознал: ему здорово повезло, что «совок» с его уголовной статьей за «мужеложство» развалился. В советские времена ему пришлось бы туго. Хотя логики в преследовании геев нет никакой. Большинство общества замечательно справляется с воспроизведением потомства. Процент людей, которые не могут любить противоположный пол, незначителен. Однако в их существовании, видимо, тоже есть какой-то смысл. В природе нет ничего лишнего. Зачем же всех стричь под одну гребенку...

Конечно, он предпочел бы снимать мужчин. Но у фотографов нет выбора. Гигантский маховик индустрии моды вращается прежде всего для женщин. А это значит, что и ра-

бота в рекламе – удел девочек. Надо работать с тем материалом, который есть. Даже если он более чем далек от совершенства.

И все же гибель Весты выбила Ника Перьева из колеи. Уход знакомого человека – это всегда эмоционально очень тяжело. Жалость, переживания, волнения, страх... Но необходимо взять себя в руки. Суханова четко распорядилась: новые снимки девушек для обновленного сайта должны появиться на ее столе уже завтра. Поэтому Ник выставлял свет для портретной съемки, устанавливал фон и пытался отделаться от грустных мыслей. Девчонки, судя по нетипичной тишине в расположенной через стенку гримерке, сами в шоке. Надо бы их приободрить. Но как? Тяжело на душе, очень тяжело...

– ...Ник, все готово? Можем приступить?

Фотограф быстро окинул взглядом появившуюся в студии Арину Иванову. Макияж блондиночки, как всегда, хорош. Визажист Наталья использует легкие, едва заметные пастельные тени. Никакой помады – только блеск для губ, влажный, соблазнительный. Грубоватая, вульгарная в жизни, Арина теперь выглядит примерной школьницей.

Работа парикмахера Елены Быстровой тоже на высоте: не очень густые волосы Арины накручены и уложены так естественно, что только профессионалы поймут, сколько усилий потребовалось для придания изысканной небрежности волнистым локонам. Но вот одежда...

– Цветочек мой, тебе надо переодеться, – твердо сказал Ник. – Ты сливаешься с белым топиком. Давно не была в солярии, кожа бледная. Нужна черная рубашка. Спроси, может, у девчонок найдется джинсовая. Грубая ткань придаст светлой коже детской пикантности. Недостаток станет достоинством.

Арина Иванова взвизгнула:

– Никуля, ты прелесть!

И исчезла в гримерке. Арина – из «стареньких». Уже знает, что фотограф плохого не посоветует. Его подсознательная антипатия полностью компенсируется желанием делать свою работу максимально хорошо. И Арина ценит замечания, а не спорит.

Модель разыскала рубашку. Правда, не черную, а темно-синюю.

– Подойдет? – спросила она и соблазнительно провела тонкими пальцами по пышной груди. – Я тебе нравлюсь?

«У девчонки отличное настроение», – подумал Ник и сказал:

– Конечно, мой цветочек. Ты хороша, как никогда. Только по грудке себя потом погладишь. Когда мы три четверти снимать станем.

Арина привычно стала у стены, закрытой серым фоном, имитирующим грубую каменную кладку. Ник зажег лампы, вернулся к установленной на штативе камере.

То, что он увидел на дисплее, ему не понравилось. Циф-

ровые фотоаппараты, отлично подходящие для пейзажной съемки, для работы с архитектурой, безжалостны к людям. Будь его воля – снимал бы девчонок только на пленку. Она делает лицо нежнее, нет вызывающей микроскопической четкости «цифры». А еще лучше черно-белое фото. Оно создает романтическое ностальгическое настроение. И Photoshop⁵ при всех своих возможностях проигрывает. Но президент модельного агентства идет в ногу со временем. Использование всех технических новинок для Иры Сухановой является правилом. Она никогда не жалеет денег на оснащение фотостудии самым современным оборудованием.

– Цветочек мой, расслабься, – Ник сделал пару снимков. Кошмар! Даже на компьютере нет необходимости рассматривать. И так понятно: не пойдет. – Ты какая-то возбужденная, слишком оживленная.

Арина недовольно дернула плечиком:

– Что ты придираешься! Я же улыбаюсь!

– Это не улыбка, а звериный оскал, – пробормотал Ник, нажимая на кнопку зуммера. Надо слегка отдалиться от Ариного личика. Может, тогда оно будет посимпатичнее. – Ну-ка, признавайся! Мой цветочек вампирша?

Арина помрачнела:

– Ник, ты мне как подружка. Я тебе доверяю. Ну вот скажи – кто из наших не радуется чужим неприятностям?! И я

⁵ Программа для редактирования снимков.

радуюсь. Да, я стерва. И мне это нравится!

– Радуйся, мой стервозный цветочек. Только потом, не перед камерой. Расскажи мне лучше, что ты любишь кушать.

Светло-голубые глаза девушки засветились. О! Она обожает мороженое. Не обязательно самое калорийное, шоколадное. Подойдет фруктовое. Хотя бы самый маленький стаканчик...

Ник быстро нажимал на кнопку затвора.

– Отлично! Очень хорошо, цветочек! Замечательно! – выкрикивал он и уже готов был любить Арину за милый детский восторг, трогательную полуулыбку, мечтательность.

Отснятый материал впечатлял. Арина очень похожа на актрису Николь Кидман, те же выразительные глаза, курносый носик, небольшой аккуратный рот. Но эти портреты куда лучше застывшей гламурности кинодивы. Они живые. Яркие краски юности, искрящиеся мечты...

Поскольку ассистент соврал, что заболел, а сам в действительности отправился помогать в проведении фотосессии глянцевого журнала, Нику пришлось самому переставлять лампы и светоотражатели. Он особо не расстраивался, любимый труд всегда в радость. Только крикнул, чтобы в гримерке услышали:

– Девчонки, кто-нибудь! Фен подержите!

На пороге студии появилась Катя Родимова, и Ник тотчас позабыл про Арину. Какие у Катерины глаза – хрустальные от готовых вот-вот выплеснуться слез! Нельзя терять ни се-

кунды!

– Катюш, на сайте эти снимки вывешивать не стоит, – закончив снимать прозрачный хрусталь, пояснил Ник. – Вы же там должны быть веселыми красотками. Но я тебе очень советую включить снимок в портфолио. Ты выглядишь очень эффектно! А потенциальным клиентам надо предлагать самые разные фотографии. Чем неожиданнее – тем лучше.

Катя лишь махнула рукой и вяло сказала:

– Аринка, ну что, становись, что ли. Мы так до ночи из агентства не выйдем.

Ник наблюдал за моделью и мысленно отмечал: Арина становится все опытнее. Ее уже смело можно снимать в полный рост. Такие кадры, в полный рост, – самые тяжелые. Если девушка только начинает карьеру, от них надо отказаться. Даже природная красота фигуры не исправляет недостатков этого формата снимков. Тело зажато, искусственно, выглядит жалким... А Аринка молодец. Поза манекенщицы – одна ножка впереди другой, носочек развернут под углом в сорок пять градусов – позволяет свести к минимуму нефотогеничность колена. Очень умело работает руками. Поправляет светлые волосы – ребенок, впервые пробующий обольстить. Проводит по бедрам – уже опытная львица. Ладонь у лица – задумчивая растерянность. Хороша, чертовка! Голубые глаза светятся счастьем...

И все же потом Ник сделал несколько снимков в своем любимом формате три четверти. Этот формат позволяет по-

казать все – красивое лицо и изгибы фигуры. Многочисленные браслеты на запястье Арины – кажется, так звенят с фотографии. И вместе с тем – недосказанность. Три четверти – это личико и тело до уровня бедер. Что дальше? Так хочется увидеть Арину полностью, да нельзя, и фантазия рисует силуэт...

– Цветочек, ты молодец! – устало выдохнул Ник.

Арина, ослепительно улыбнувшись, чмокнула его в щеку и промурлыкала:

– Спасибо, Никулечка! Я могу быть свободна?

Ник отрицательно покачал головой. Сфотографированные девушки будут держать фен снимающимся моделям. А что делать? Не может же он разорваться!

Работа – радость. Работа – счастье. Полет, восторг, параллельный мир. Ник фотографировал девушек и чувствовал себя богом, потому что это он останавливал мгновения, яркие и прекрасные. Он делал своих Галатей совершенными и неотразимыми, используя все преимущества их внешности, старательно пряча недостатки.

«И кто это ценит? – подумал Ник и грустно вздохнул. – Нет, у меня отличные отношения со всеми девчонками, я их искренне люблю, когда они работают хорошо. Некоторые из них могут со временем стать настоящими звездами. Но никто никогда не вспоминает тех профессионалов, мастерство которых позволило моделям пройти путь к успеху. Известных манекенщиц больше, чем именитых фотографов. Еще

один штрих изнанки модельного бизнеса. Но к этому привыкаешь. Возможно, потому, что изменить ничего нельзя...»

Глава 2

1

Париж, 1910 год

В парке Монсо прохладно и малоллюдно. Тенистые аллеи, как зонтик, надежно закрывают от пронырливого солнца. Легкий ветерок доносит с зеленых лужаек аромат ирисов и гортензий.

Но куда больше парковых красот Боя радовали тонкие пальцы Габриэль, лежавшие на его руке. Он неспешно вел девушку по аллее и думал о том, что вот уже больше года Шанель живет в холостяцкой квартире Этьена на бульваре Мальзерб. В квартире, куда прежде заглядывали «курочки» Бальсана, чтобы отдаться своему любовнику. Теперь они приходят туда и заказывают изысканные шляпки. Дела в мастерской идут неплохо. Габриэль, не справляясь с большим количеством заказов, даже пригласила для помощи младшую сестру Антуанетту. Девушка, хорошенькая и стройная, но не обладающая даже отблеском шарма Коко, живет по соседству, 8-й дом по авеню Парк Монсо. Он, Артур Кейпл, Бой, как вслед за Этьеном начала называть его Габриэль, тоже снимает квартиру поблизости, на том же бульваре Мальзерб. На правах соседства можно навещать Габриэль каждый

день. Каким наслаждением было показывать ей Париж! Что она видела со своим увальнем Этьеном? Ипподромы. Они располагаются в предместьях. Этьен даже не сводил ее поужинать в «Maxim's», не провез вдоль величественного Лувра и каменного кружева Нотр-Дама.

Габриэль пила Париж, как пьяница хлещет вино, – жадно, быстро, без остановки. Ей хотелось всего и сразу – кататься на парходике по ленивой Сене, гулять по Елисейским Полям, глазеть на уродливую Эйфелеву башню и любоваться белоснежной Сакре-Кер из окон кафе на Монмартре. Лишь теперь она согласилась пройтись по парку Монсо, располагающемуся буквально в двух шагах от ателье. И то без особого удовольствия. Аргументы Артура о том, что это прелестный уголок, где пахнет природой и время застывает в белоснежных мраморных скульптурах, немало ее озадачили.

– Я не люблю природу. Она напоминает мне... Не важно, в общем, что напоминает. А застывшее время – такая глупость! – сказала она, но все же засобиралась на прогулку.

Артур прикусил язык. Да, Габриэль гонит прочь все воспоминания о нищем деревенском детстве, рано умершей от истощения матери, гуляке-отце. Но призраки прошлого не отпускают ее. Это можно понять. Артур тоже с радостью позабыл бы о том, что является незаконнорожденным сыном. Он получил в наследство угольные рудники, умело организовал поставки угля, и теперь его состояние превосходит доходы любого графа или барона. Но *молва* по обе стороны Ла-

Манша – и в Англии, и во Франции – до сих пор перемывает ему косточки.

Сосредоточенная созерцательность вообще претит Габриэль. Эта красавица – огонь, энергия, вечное движение. Таких женщин Артур прежде никогда не встречал. Габриэль похожа на раскаленное стекло, мечущееся, ищущее форму, которую надо заполнить. Она разыскивала ее с отчаянием человека, тонущего в бушующих волнах моря, пытающегося спасти свою жизнь.

– Посмотри, какая красота, – Артур замедлил шаг и указал на полукруглую колоннаду, огибавшую заросший лилиями и кувшинками пруд.

Габриэль бросила рассеянный взгляд и ничего не ответила. Ее мысли витали где-то далеко.

Артур невольно залюбовался сосредоточенным личиком. Из-под маленькой элегантной шляпки-колокольчика выбиваются короткие черные локоны. В Париже Габриэль обрезала волосы и еще больше похорошела. Теперь Артур уже терялся в догадках, какая Габриэль ему нравится больше: растерянная, застывшая, словно изваяние, на ступенях замка в Руайо, или нынешняя, уверенная, полная идей, покоряющих избалованный Париж.

...То, что Этьен владеет сокровищем, ценности которого даже не осознает, Артур понял сразу же. В тот памятный вечер их встречи друг глаз не отводил от Эмильены, пухленькой блондинки с напудренными волосами, в атласном рас-

шитом золотом платье. Габриэль в своем жакете выглядела в сравнении с ней, может, менее женственно, но необыкновенно элегантно. И Эмильена, кстати, сама обратила на это внимание. Рассмотрев за ужином шляпку Габриэль, она не без ревности спросила:

– Кто ваша модистка?

Габриэль смущенно покраснела, и Этьен быстро заметил:

– Она сама делает шляпки. Надо же ей чем-то заняться.

Эмильена попросила изготовить канотье и для нее.

Всплеснув руками, девушка радостно заворковала:

– О! Впору открывать мастерскую. Я ведь уже делала головные уборы для нескольких дам из Компьена.

– А почему бы и нет? – заметил Артур. Любовница Этьена нравилась ему все больше и больше. Вообще-то он предпочитал рассуждать о Прудоне, но если мадемуазель интересуется шляпками... – У вас могло бы получиться.

Этьен нахмурился и нервно затеребил усы.

– Вздор! Моя малышка Коко не будет работать!

Артур знал своего друга как облупленного. И ему очень понравилась Габриэль. План родился мгновенно.

– А кто говорит о работе, Этьен? Так, забава. Шляпки для друзей. Что здесь такого?

Бальсан задумался, а потом с сомнением покачал головой.

Он считал, что это чистая авантюра, которая к тому же требует немалых хлопот. Надо снимать помещение для ателье. На чье имя? Габриэль? Это юридически невозможно. На

свое собственное? А что подумают друзья из жокей-клуба? Курам на смех – Этьен Бальсан арендует ателье! Нет, он не может на это пойти.

Артур знал, что говорил. Холостяцкая квартира Этьена в Париже, на первом этаже большого дома по бульвару Мальзерб. Кому какое дело, что в ней появится Габриэль? Она может поселиться там и делать свои шляпки, и никаких расходов на аренду.

Этьен удовлетворенно кивнул. Если не надо ничего платить – пожалуй, он согласится на то, чтобы Габриэль занималась своим увлечением. Эмильена же мечтательно улыбнулась:

– Да, я помню эту квартиру. И, заметив, как помрачнело выразительное личико под соломенной шляпкой, она расхохоталась: – Милочка, как вы юны! Неужели не знаете: кто старое помянет – тому глаз вон. Мужчины – это такое удовольствие, в котором не надо себе отказывать. С годами, поверьте, вы это тоже поймете!

Габриэль Шанель считала по-другому. Артур чувствовал, что его симпатия взаимна. Любимая охотно проводила с ним время, но когда он во время одной из таких уединенных прогулок попытался поцеловать хорошенький ротик, красный от карминной помады, Габриэль в гневе оттолкнула его.

– Как не стыдно! А еще друг Этьена!

– Ты же не любишь его, – Артура прямо затрясло от возмущения и обиды. Женщины никогда ему не отказывали. И

он знал, что строптивая девица тоже хотела этого поцелуя! – А в Руайо, между прочим, приезжала крошка Жози, и она провела ночь с Этьеном.

Габриэль лишь закусила губу и, смахнув набежавшие на глаза слезы, с горечью сказала:

– Бой, мне это совершенно не интересно.

Он не мог ею обладать. Пришлось довольствоваться тем, что есть. Ее веселыми песенками, когда она мастерила шляпку. Ее восхищением Парижем. Прогулками...

– ...Этот парк возник по распоряжению герцога Шартрского, – Артур старательно играл роль гида. Хотя больше всего ему хотелось не совершать исторический экскурс, а коснуться едва заметной синей прожилки на длинной ослепительно белой шейке Габриэль, украшенной нитями искусственного жемчуга. – Пойдем, дорогая, в глубине парка Монсо есть очаровательная шартрская ротонда.

– Бой! Я так больше не могу! Мне нужно с кем-нибудь посоветоваться, иначе я сойду с ума!

Голос Габриэль дрожал от отчаяния.

Артур увлек ее на ближайшую скамью с вычурными перильцами и озабоченно посмотрел в любимые карие глаза. В них плескалось столько боли, что Кейпл не нашелся что сказать. Он подозревал: Этьен опять что-то выкинул.

Примерно так и оказалось.

– Заказов становится все больше. Мы не справляемся. Сегодня попросила расчет Люсьена. Ты знаешь, скольких тру-

дов мне стоило уговорить ее работать с нами. Она превосходная модистка, и ее с радостью взяли бы в лучшие ателье. И вот она ушла. По очень простой причине. Находясь в этой квартире, нет никаких шансов заполучить знатную клиентуру. Мои шляпки носят дамы высшего света. Но лишь единицы приходят на бульвар Мальзерб сами. Они посылают служанок, они стесняются, им неудобно... Люсьена хочет, чтобы ее работой гордились. В нашей квартирке она сотрудничает... с кокоткой, Бой! Она именно это сказала!

Опомнившись, Артур спешно стал успокаивать Габриэль.

– Ничего страшного не случилось, – он смахнул предательски заструившуюся по бархатной щечке слезинку, невольно отмечая: у Габриэль очень нежная кожа. – Найдешь другую модистку, я помогу тебе.

– Она тоже уйдет. Уйдет. Надо съезжать с квартиры. Я говорила с Этьеном, когда ездила в Руйао. Если бы он только согласился купить мне бутик! Но нет. Он никогда не пойдет на такой шаг. Сказал, что приобрел недавно луговой участок, содержание лошадей обходится дорого, и он не может выбрасывать большие деньги на ветер.

Артур облегченно вздохнул. Если проблема в помещении для бутика, слезы на прекрасных глазах испарятся через секунду.

– Я куплю тебе этот бутик. Можешь уже придумывать ему название. Шляпы от Шанель – звучит неплохо, не так ли?

– Я хочу заниматься не только шляпами, но и шить одеж-

ду, – быстро заговорила Габриэль и вдруг умолкла. Она явно не сразу уловила смысл сказанных Боем слов. – Ты?! купишь бутик?! Мне? Мне, да? Артур, я не ослышалась?

Она бросилась Бою на шею и поцеловала его. Губы Габриэль были солеными от слез...

Через месяц на рю Камбон, 21 появилась вывеска «Chanel Modes».⁶

Объяснения с Этьеном Бальсаном Артур взял на себя. Бывший любовник Габриэль был несколько раздосадован, но с деланой любезностью сказал:

– Я буду рад видеть вас обоих в замке Руайо. – И, хитро подмигнув, добавил: – Кстати, Бой, нет ли у тебя на примете молоденькой «курочки»?

⁶ «Моды Шанель».

2

– Лик, я все выяснил. На место происшествия выезжали съемочные группы двух телеканалов. Сейчас монтируют сюжеты о смерти Весты Каширцевой. Выход материалов запланирован на утренние выпуски криминальной хроники. Ты хочешь, чтобы мы тоже дали статью?

Вронская гневно взмахнула рукой. Как будто бы редактор отдела происшествий мог видеть ее, сидящую в засыпаемом снегом «фордике».

– Что ты, Витя, не вздумай! Никаких материалов для «Ведомостей», – от волнения голос дрогнул. Лица сглотнула подступивший к горлу комок и повторила: – Никаких статей, это событие нас не интересует.

И она быстро нажала на кнопку отбоя, предупреждая возможные споры с Виктором. Тема действительно горячая. Витька ей проест плешь, отстаивая свою точку зрения, и это напрасная трата времени. Непозволительная роскошь в нынешних условиях!

Итак, телевизионщики готовят сюжет, на часах – Лика бросила взгляд на запястье – половина девятого, и надо что-то срочно делать, а в голове ни единой мысли.

Отшвырнув телефон на сиденье, Лика закрыла глаза. Все пропало! У нее нет возможностей остановить информационную волну. Что для телевизионщиков проблемы Иры Суха-

новой, когда они уже материал отсняли, оператора, журналиста и водителя задействовали, в монтажке проторчали и с чувством выполненного долга запланировали сюжет в завтрашние программы? Да тьфу, плюнуть и растереть, мелочи!

– Бедная Ирка, – сочувственно прошептала Лика. Перед глазами возникло бледное напряженное лицо подруги. Ее как-то вдруг мгновенно потухшие рыжие выющиеся волосы. Дрожащий подбородок... – Она даже поплакать по-человечески не может! Не может, потому что у нее работает несколько десятков девушек и парней. Штатные фотограф, визажист, парикмахер, преподаватели для школы красоты. Агентство открывалось с размахом. Ее олигарх хотел, чтобы все было «по-богатому», на порядок круче, чем у остальных. Да, Ирка была в «шоколаде» – на первом этапе, когда приходится вкладывать деньги, а не считать прибыли, олигарх ее полностью финансировал. Ну хотелось нефтянику создать такой цветник-оазис, по которому порхают милые девчушки. Прибыли агентство не приносило, профессиональной целесообразности никакой. Не вышки же нефтяные девчонкам рекламировать. Просто придумал себе такую игрушечку. Хобби на грани благотворительности. Причем редкий случай – сам на моделях «лиловым глазом» не косил, жену любил до безумия. Но потом, когда его посадили, Ирка осталась один на один со всеми финансовыми проблемами. Спонсоров не нашлось. Сама выкручивалась. И справилась! Шикарный уровень, штат, офис огромный в центре Москвы

– все сохранила. Пахала, как лошадь, сутками. Да что говорить: на телефонный звонок не всегда могла ответить, ребенок неделями только с домработницей общался! Она не может рыдать по Весте, потому что у нее вагон и маленькая тележка таких девчонок и им надо искать работу, делать пиар-кампании, надо, надо, надо... Ира должна получить этот контракт!

Внезапно Лика схватила сотовый телефон. Ну конечно же! Как она сразу не вспомнила об этом человеке! Такой же трудяга, как и Ирка! Если кто-то поможет, то только он!

Дрожащими руками Вронская искала в телефонной книжке номер Владислава Сергеевича Опарина и мысленно молилась: только бы не отключил телефон. Время не рабочее. Да и дел у высокопоставленного сотрудника администрации президента множество, вдруг он не в Москве. И – захочет ли он помочь? Конечно, когда у него возникли проблемы, Лика писала статьи в его поддержку, но ведь у людей память на добрые дела короткая...

– Владислав Сергеевич, простите за поздний звонок, – выпалила Лика, услышав приятный басок. – Есть ли у вас возможность сейчас со мной встретиться?

Опарин растерянно молчал, и Вронская быстро добавила: – Для меня это очень срочный вопрос. И очень важный. Пожалуйста...

– Через час в «Национале» вас устроит?

– Конечно!

«Наверное, его вызывали в Кремль, – подумала Лика и включила дворники. Зима плевать хотела на календарь, капризничала, сыпала пригоршни снега. – Он может помочь. Теперь – действительно может...»

Еще семь лет назад чиновника, отдающего указания журналистам, было и представить сложно. Владельцы СМИ и власти договаривались, проводили переговоры, обсуждали оптимальные условия взаимовыгодного сотрудничества. Конечно, абсолютной свободы слова не существует, журналисты всегда действуют в рамках, очерченных владельцем СМИ. Просто раньше владельцев было больше, они пытались формировать политику – и журналисты делали ставку на тот клан, действия которого не противоречили собственным взглядам и пристрастиям. Сейчас ситуация изменилась, рычаги реальной политики сосредоточены только в Кремле, и даже формально независимые СМИ все равно прислушиваются к «государственникам». Может, для имиджа страны и порядка в мозгах граждан это и неплохо. Однако сами журналисты в глубине души никогда не согласятся с целесообразностью таких мер. Когда привыкаешь в глаза резать правду-матку – «фильтровать базар» потом особенно тяжело.

«Я старею, – подумала Лика, притормаживая у поворота на Моховую. – Мыслию прежними категориями. Вот ведь не сразу сообразила про Опарина. Власти в стране меняются, политтехнологи остаются. Без Владислава Сергеевича в российской политике запросто могли быть другие лица. Он

очень влиятельный человек. Теперь один его звонок из администрации может решить проблему. Я старею?..»

Невероятное везение – на парковке прямо у гостиницы оказалось свободное место. Шустрый Ликин «Форд» удачно выиграл гонку у неповоротливого «Мерседеса». И, не обращая внимания на истошный мат обиженного водителя, Лика быстро прошла в «Националь». Заледеневший на ступенях швейцар даже не пошевелился, чтобы распахнуть двери.

Владислав Сергеевич любил этот ресторан. Последний раз Вронская с ним встречалась здесь же после президентских выборов на Украине. Даже у гениев бывают неудачи, и Опарину, казалось, требовался слушатель, который это подтвердит.

– Отлично выглядите, – дождавшись, пока официант, проводивший Лику к столику, удалится, сказал Владислав Сергеевич. – У вас проблемы?

Несмотря на невысокий рост, полную фигуру, короткий ежик седых волос с уже угадывающимися залысинами, Опарин нравился Лике. Она посмотрела в его карие глаза, которые с экрана почему-то всегда кажутся голубыми, и кивнула:

– Проблемы.

– Я уже сделал заказ. Поужинаете со мной?

– Не голодна, – соврала Лика. Измученный никотином желудок требовал пищи, но есть и говорить одновременно сложно. – В общем, вот такая неприятная история произошла...

Рассказ Опарину напоминал исповедь – полнейшую, подробную, даже с теми деталями, о которых Ира Суханова просила не распространяться. С Владиславом Сергеевичем лукавить опасно. Его мозг, как мощный компьютер, отмечает малейшие нестыковки, и тогда на лице «серого кардинала» российской политики мелькает тень снисходительности.

Полив принесенную официантом рыбу лимонным соком, Владислав Сергеевич пожал плечами и с неудовольствием заметил:

– Вполне можно было и по телефону этот вопрос решить. Зачем потребовалось меня выдергивать?

«Ура, получилось», – облегченно подумала Лика и солнечно улыбнулась.

– Понимаете... – ей с трудом удавалось подобрать слова. Нельзя же прямо сказать: я – дитя перестройки, и потому сегодняшние реалии понять сложно. – Мне было неудобно. И я не сразу догадалась, что вы можете помочь. Спасибо вам большое!

На лице Опарина появилась хитрая улыбка.

– Одним спасибо не отделаетесь. Придется публицистикой отрабатывать.

– Если бы вам понадобилась публицистика в нашем издании – вы бы ее получили. И в любом другом тоже. Так что спасибо, Владислав Сергеевич.

– Кстати, – Опарин сделал глоток белого вина и зажмурился от удовольствия, – прочитал недавно в самолете ваш

опус. Умная же девочка. А такой ерундой занимаетесь!

Ли́ка сразу же почувствовала: краснеет. Катастрофически. Щеки полыхают жаром. Ерунда, что Опарину не понравился ее детектив. У каждого собственные литературные предпочтения, и многим читателям нравятся легкие книги. Но в каждом придуманном книжном герое всегда есть чуть-чуть от самого автора. Героев в романе не один десяток. Всем сестрам по серьгам – сам в неглиже. И вот смотреть в глаза знакомого человека и понимать, что теперь он видел тебя в спальне, знает все о твоих мечтах и обидах, – это очень сложно...

Когда с ужином, кофе и разговорами было покончено, Владислав Сергеевич расплатился по счету. Помогая Лике одеться, галантно поинтересовался:

– Куда вас отвезти? Домой?

– Я на машине, – пробормотала Ли́ка, тоскливо подумав: домой ей в ближайшие часы попасть вряд ли удастся.

Она проводила глазами удаляющийся в сторону Кремля служебный «Мерседес» Опарина. И, с трудом открыв примерзшую дверцу «Форда», опустила на сиденье.

«Полдела сделано – но многое еще предстоит уладить», – подумала Ли́ка, разыскивая в рюкзачке сотовый телефон.

Следователь Владимир Седов мгновенно пресек Ли́кин приветственный щебет, прямо спросив:

– Чего надо? Давай быстро и по существу. Писанины выше крыши.

– Хочу подъехать. Прямо сейчас.

– Отложить можно?

– Нет.

– Ладно. Что с тобой поделаешь.

Еще бы, Володька откажется с ней встретиться! Лика Вронская помчалась в прокуратуру и, как обычно, разоткровенничалась со своим небесно-голубым «фордиком».

– Володя меня любит заклятой любовью, – бормотала она, проскакивая перекрестки. – Мы знакомы сто лет. Я помогала ему в расследовании некоторых дел. Он стал прообразом для героя моей книжки. Мы часто ругаемся. Я думаю, он зануда. Володька считает, что я авантюристка, которая постоянно добавляет ему головной боли и проблем. Но все-таки, если Опарин теоретически мог отказать мне в помощи, то Володя этого не сделает. Потому что мы с ним друзья. Хотя воплей будет – ты, машинка, даже не представляешь!

Однако Лика ошиблась – возмущаться у Седова не было ни времени, ни сил. Когда Лика вошла в его кабинет, он приветственно кивнул, повернулся к монитору компьютера и извиняющимся тоном пояснил:

– Нужно срочно закончить оформление дела для передачи в суд. Так что я буду печатать свои бумажки, а ты рассказывай. И кофе мне сделай.

Кабинет разрезала зеленая комета, и, звонко чирикнув, приземлилась Лике на плечо.

– Здравствуй, Амнистия, – Вронская протянула ладонь,

и попугайчик послушно перескочил на руку. – Хорошая девочка...

Птицу Володе Седову подарили друзья на день юриста. Супруга следователя Людмила терпеть дома голосистую живность отказалась, и Амнистию пришлось поселить прямо в кабинете. Ее клетку Володя никогда не закрывал, объясняя: из этой комнаты и так многие отправляются за решетку. Птица Уголовный кодекс не нарушала. А потому пусть пользуется неограниченной свободой.

Сделав кофе, Лика забралась на подоконник, равнодушно отодвинула в сторону пожелтевший человеческий череп, доставшийся Седову «в наследство» от предыдущего хозяина кабинета. И постаралась как можно быстрее и понятнее изложить суть вопроса.

На добродушном, чуть полноватом лице следователя появилось выражение досады.

– Да уж, оформишь с тобой документы, как же, – нахмурив светлые брови, пробормотал Володя и пододвинул к себе телефонный аппарат. – Вечер добрый. Следователь Седов беспокоит. Меня интересует информация по наезду на Весту Каширцеву...

То, что через пару минут услышала от следователя Лика Вронская, подтвердило ее наихудшие предположения. Автомобиль виновного в смерти девушки не установлен. Номерные знаки были аккуратно покрыты толстым слоем грязи, цвет машины предположительно бежевый, модель – то ли

«восьмерка», то ли «девятка». Водителя разыскивают, введен в действие план «Перехват», однако результатов пока нет. По предварительным опросам свидетелей, более полной информации о транспортном средстве и его владельце получить не удалось.

– Пока рано делать выводы, – подытожил, прихлебывая кофе, Седов. – Но ты ведь уже более-менее в нашей работе ориентируешься. И понимаешь: теперь возникают подозрения, что наезд на сотрудницу твоей подруги выглядит неслучайным. Ловить вам, девчонки, особо нечего. Уголовное дело никто закрывать не станет.

Ли́ка покосилась на свой рюкзачок, висящий на стуле. В нем – врученная Ирой толстая пачка долларовых купюр. Ли́ка не пересчитывала деньги, но заметила: в пачке бумажки по сто долларов, сумма приличная. С Володей можно говорить начистоту...

– А что за следователь занимается этим делом? Ирина готова хорошо заплатить. Через неделю ей лететь в Париж, и она бы хотела, чтобы месяца на два-три об этом происшествии просто забыли. Володь, у вас же работы всегда выше крыши! Ну что, неужели следак не согласится всего лишь пару месяцев имитировать бурную деятельность, не трепаться и не капать Ирке на мозги?

Седов сосредоточенно скреб затылок, в его голубых глазах сверкало негодование. Обдумав пламенный Ликин спич, он закурил сигарету и отрицательно покачал головой.

– Не выйдет. Скорее всего, ничего из этой затеи не выйдет. Следователь, который по этому делу работает, – Тимофей Аркадьевич Ковалев – пожилой, очень опытный человек. Среди старшего поколения нашего брата большинство тех, кто работает за идею. Конечно, как говорится, в семье не без урода. Есть следаки, которые взятки берут. И потом, закон ведь неоднозначен. Бывают ситуации, когда дело можно по нескольким статьям классифицировать. Мера ответственности разная. Да, берут денежку – за меньший срок, более легкие условия отбывания наказания... Но, Лик, ты пойми – в этой жизни не все продается и покупается. Мне тоже бабки нужны. И что с того? Езжу на старых «Жигулях», зато сплю спокойно. У меня нет ничего общего с теми уродами, которых я отправляю за решетку. Не лезь ты к Ковалеву с деньгами. Даже не думай предлагать. Все испортишь.

– Отлично! – Лика спрыгнула с подоконника и, скрестив на груди руки, заходила по кабинету. – Это все очень замечательно, что ты говоришь! По-человечески мне спокойнее, если вы все такие действительно классные, приличные люди. Но мне-то что делать? Есть подруга. Есть проблема. Какой выход из этой ситуации?!

– Лик, давай попробуем поговорить завтра с Ковалевым. Большого я для тебя сделать не могу. Честное слово, – Володя повернулся к экрану компьютера, но потом вдруг бросил на Лику быстрый взгляд: – А ты уверена, что у Сухановой-то твоей рыльце не в пушку? Чего она так старается кон-

цы спрятать?

– Контракт. Седов, ты слушал, что я тебе объясняла?!

Володя скептически усмехнулся:

– Слышать-то я слышал. Лика, мне точно известно, что в этой жизни нельзя делать лишь одну вещь. Ходить по потолку. Во всем остальном, мать, возможны варианты...

3

В спальне особняка на Рублевке, просторной, с огромной низкой кроватью, застеленной черным бельем, директор модельного агентства «Russia» Дмитрий Платов занимался... Да он и сам понимал, что занимается совсем не тем, чему следовало бы предаваться в холостяцком гнездышке. Никаких блондинок, юных скромниц. Никаких брюнеточек, страстных молоденьких хищниц. В глазах рябит не от женских прелестей, а от столбиков цифр из толстой папки финансовой отчетности. И с этим еще можно смириться, если бы цифры были оптимистичными.

Но картина вырисовывалась настолько удручающая, что Дмитрий с досадой отложил документы и принялся бесцельно ходить по спальне.

– Блин, когда мне исполнилось двадцать пять, я заработал первый миллион баксов. Сейчас мне сорок два, и я считаю каждый рубль, – пробормотал он и взял с полки у камина фотографию в стальной рамке.

Симпатичная крошка в красном комбинезоне, неумело стоящая на горных лыжах... Как же ее звали? Не вспомнить. Курорт – Австрия, не самый фешенебельный, Зель-ам-Зее, но там отличные спуски, чудесное озеро и минимум русских. Девчонка смотрит не в камеру, а на него, любимого. На снимке Дмитрию лет тридцать пять, но с той поры вроде особо не

изменился. Те же черные блестящие волосы с легкой сединой на висках, подтянутая мускулистая фигура. Женщины млеют от его темно-карих глаз. Доходит до смешного: один взгляд, и девочка уже на все готова... И эта крошка, имя которой не задержалось в памяти, с восторгом согласилась поехать в Австрию, хотя, помнится, ненавидела зиму, не умела кататься на лыжах, да и знакомы они были всего-ничего...

– Если бы за успех у женщин платили, я бы опять стал миллионером, – тихо сказал Дмитрий, возвращая фотографию на прежнее место. – Успех есть, бабла нет. Агентство вылетает в трубу!

Агентство... Дмитрий горько усмехнулся. Он и подумать не мог, что модельный бизнес станет единственным источником существования. В конце 80-х – начале 90-х слова-то такого не было: модельный бизнес. И бизнеса тогда вообще не было. Просто покупали, продавали, воровали, постреливали...

...«Процесс пошел», и по Москве забегали первые иномарки, и вдруг появились люди, презрительно посмеивающиеся над словом «зарплата», когда Дмитрий заканчивал «Нархоз». И он вдруг понял, что все будет совсем не так. Нет нужды защищать диплом, устраиваться на предприятие, убиваться там до седьмого пота, чтобы через двадцать лет стать его директором. Результата, причем куда более значительного, чем директорское кресло, можно добиться проще, быстрее и красивее. Бросив институт, Дмитрий заработал

первые приличные деньги на перепродаже ширпотреба. Потом пришло время торговли компьютерами, успешной игры на финансовом рынке, участия в приватизации. В последнем здорово помогли связи отца, в прошлом большой партийной «шишки». Ну а дальше вообще все стало очень просто. Когда владеешь предприятием металлообрабатывающего профиля, в жизни появляется лишь одна проблема: куда потратить бабки. Дмитрий швырялся деньгами направо и налево. Покупал дома и квартиры, открывал магазины и салоны красоты. Модельное агентство возникло по одной простой причине: чтобы девки красивые под рукой были. Себе и партнерам по бизнесу. На Тверской еще неизвестно на кого нарвешься. Болезни, клофелин и все такое. А в агентстве куча молоденьких девчонок. Поужинать сводишь, часики подаришь – и вот красотка уже на все согласна. Девчонки друг другу готовы были в волосы вцепиться, лишь бы переспать с хозяином.

Но как пришли шальные бабки – так и ушли. Если бы компаньон не «кинул» Дмитрия – была бы возможность сохранить завод. Рассовал бы кому надо конвертики с деньгами, кому надо – счета бы открыл, перевел требуемый «откат». И никаких тебе пересмотров итогов приватизации. Не вышло. Платов пытался зацепиться на новых сегментах рынка, и кое-что уже начало получаться, и тут грянул дефолт. Едва встал на ноги, и понял: а все, время больших денег и больших возможностей прошло. Кто не успел – тот опоздал.

Особняк, пара приличных авто, магазин по продаже мебели и агентство – вот и все, что осталось от прежних миллионов.

Надо играть теми фигурами, которые есть... Дмитрий пытался превратить свое бордельное агентство в приносящую прибыль структуру, но получалось это плохо. Права была Ира Суханова, которая говорила: репутация создается годами, а рушится мгновенно. Впрочем, из-за девок, которых изредка «пользовал» Дмитрий, проблем особых не возникало. Он ведь выполнял любой каприз моделей, возможности позволяли. Это Ирка вспыхнула, как спичка, и подала заявление об уходе, когда обо всем узнала. А девчонки не в обиде были, помалкивали. Настоящий же скандал возник позже. Ира уволилась. Сам Платов руководить агентством на тот момент не собирался, он и в Москве-то бывал нечасто, пропадал в Сибири, на заводе. Теперь сложно сказать, кто рекомендовал на должность президента «Russia» редкостного мерзавца Стаса Полянского. Без рекомендаций такая халява не обламывается. Но Дмитрий не учел: это Ире можно было доверять целиком и полностью. А Стас думает только о себе, о своем кармане, своих интересах. Какой это был шок: прочитать в газете, что твои модели, из твоего агентства, в массовом порядке выезжают в Арабские Эмираты и занимаются там всем, чем угодно, кроме показов и съемок! Первым делом Дмитрий позаботился о том, чтобы Стас переместился из кресла руководителя прямиком на нары. Затем пришлось долго и нудно платить за «отмыв» журналистам, но

эхо тех событий и по сей день мешает нормальному сотрудничеству с зарубежными партнерами. Правда, в последнее время в агентстве появились настолько интересные лица, что ради них наконец Платову перестали поминать прошлое.

– ...Только бы получилось, – пробормотал Дмитрий, растягиваясь на постели. Спину покалывали иголки боли. Вот она, расплата за долгие часы, проведенные в офисе. – Если дело с французами выгорит, я заработаю неплохие деньги...

Он прикинул, чем занять остаток вечера. Позвонить кому-нибудь из подруг? Лениво. Пока доберется, пока потрахаются, потом придется оставить девчонку у себя и морщиться от глупой болтовни. Лучше просто поваляться на постели и почитать.

Дмитрий взял глянцевого журнала и зашелестел страницами.

– Черт возьми! – сквозь зубы процедил он. – И здесь Суханова! Хороша. Если не знать, что Ирке за сороковник, – никогда не догадаешься. На этих снимках выглядит лет на двадцать пять. Блин, ее агентство мне как кость в горле. Надо терпеть. Делать вид, что мы друзья. Я использую ее методы, ее идеи. Как же мне это надоело!

На мониторе, куда передавалось изображение с расположенных внутри и снаружи особняка видеокамер, вспыхнула красная лампочка. Дмитрий выругался – легка на помине: возле дома притормаживает Ирин серебристый «Лексус». Высокая, худенькая, с копной рыжих выющихся волос, полы-

хающих на плечах, Ира легко выпрыгнула из джипа и нажала на кнопку звонка. Пришлось подниматься с кровати и впускать нежданную гостью...

4

Как легко удаляется грим с молоденькой кожи. Одно движение пропитанного косметическим молочком спонжа – и тональный крем исчезает с гладкого Арининового личика. С собственной кожей Наталье Захаровой, несмотря на большой опыт косметолога и визажиста, пришлось бы повозиться куда дольше. Тридцать лет – это уже паутина угадываемой старости. Четче делаются носогубные складки, верхние веки становятся тяжелыми, и морщинки пролагают русла возле губ, на лбу...

– Ник нас совсем измучил, – Арина капризно надула ротик и сдула со лба светленькую челку. Красивая асимметричная линия, отлично выглядевшая на снимках, безжалостно закрывала глаза. – Наташ, как же я устала!

– Ничего, дорогая. Отдохнешь, выступишься – и завтра опять пойдешь покорять всех своей красотой, – Наталья сочувственно утешала модель, но в душе поднималась глухая волна раздражения.

Устала она, понимаешь ли. Двадцать лет. У Арины рост под метр восемьдесят, ножки от ушей, соблазнительная полная грудь. Девчонка просто не понимает своего счастья. Наталья бы все что угодно отдала за такое тело. Когда любишь – любимому мужчине хочется предложить самое лучшее. Увы, ее собственная фигура далека от модельных стандартов. Мо-

жет, поэтому Петр лишь позволяет себя любить? А любит ли он сам? Вряд ли...

Арина все не унималась:

– Весту машина задавила. Наташ, ты слышала? Я счас вот скажу, что думаю. Меньше народа – больше кислорода. Я Каширцеву никогда не любила. Строила из себя прям такую супер-пупер! А сама же вся порезанная была. Пара липосакций, ринопластику делала. Точно, был у нее какой-то фрэер при бабках. И ничего нам не рассказывала. Прикинь, вот нахалка...

– Нахалка, – вяло согласилась Наталья. Сил спорить с Ариной, тоже, кстати, как и большинство моделей, побывавшей под скальпелем пластического хирурга, у нее не было. Тридцать мордочек как наклеишь – лишь одно желание возникает. Присесть. Гудят ноги, отваливаются. – Хотя, знаешь, мне ее лицо нравилось. Очень правильные черты. Ее рисовать – одно удовольствие. Но кожа у Весты очень требовательная. Была...

Наталья взяла с полочки у зеркала флакон с тоником и новый спонжик. Сейчас она протрет Аринину мордашку тоником, нанесет легкий увлажняющий крем, и пусть циничная девчонка катится на все четыре стороны.

«Мне... не то, чтобы жаль Весту, – вдруг поняла Наталья. – Я скорее даже рада. Эта девочка нравилась Петру. Теперь ее нет. Минус один повод для ревности».

От этих мыслей настроение визажиста агентства

«Supermodels» испортилось окончательно.

«Дожила, называется, – корила себя Наталья. – Я такая же, как эти маленькие дряни. Аринка как-то разоткровенничалась, что в гримерке втихаря вылила из флакона Вестин гипоаллергенный тоник и налила туда какой-то бурды. Две недели на Каширцеву без слез смотреть было нельзя. Арина радовалась. А я чем лучше? Ничем. Я так люблю Петра, что готова на все...»

Когда в кресло опустилась Катя Родимова, Наталья нахмурилась. Несколько легких движений по лицу модели, удаливших тональный крем, лишь подтвердили ее подозрения. Поры на лбу и щеках уже закупорены кожным салом. Нет, еще не видно не то что воспалений – черных точек не рассмотреть. Но профессиональный взгляд – как рентген. Катино лицо вообще склонно к образованию угревой сыпи. И вот они, первые, практически еще незаметные, чуть выпуклые следы начинающих неприятностей. Через неделю для фотосъемки это личико станет непригодным. С показами, конечно, проще, вечерний макияж позволит замаскировать гормональный взрыв.

– Кать, у тебя месячные скоро? Глазки прикрой... – сказала Наталья и стала осторожно удалять тушь с длинных ресничек.

Девушка глубоко вздохнула:

– Да нет, месячные прошли недавно. Что, опять?

– Угу.

– Как Весту-то жалко...

«Распереживалась – и лицо себе испоганила, – поняла Наталья. – Нельзя Катьке волноваться. У нее все проблемы на коже сразу же отражаются».

– Наташ, сделай что-нибудь, – жалобно пискнула Катя. – Мне нельзя в прыщах ходить. У меня очень плотный график. Сама нахватала работы. Скоро же в Париж еду. Хочется хоть какую-то денежку заработать. Магазины там, говорят, шикарные. Да и в музеи бесплатно вряд ли пустят.

– Ты мне когда обещала к дерматологу пойти? – рассматривая Катин лоб, поинтересовалась Наталья. – У тебя на коже живет какая-то зараза. Малейший стресс – и ты профнепригодна!

– Но ведь ты же мне писала список каких-то таблеток.

– Да! Потому что Суханова взяла меня за горло! У тебя был серьезный контракт! Но я же не врач, Катя. А вдруг тебе нельзя принимать те препараты, которые я указывала?

Глубоко вздохнув, Катя принялась рассматривать свои ботиночки – простенькие, не фирменные, с уже облупившимися носами.

Сердце Натальи дрогнуло. Закончив снимать косметику, она вымыла руки, выдернула из блокнота листок и быстро написала названия нескольких витаминных комплексов и антибиотиков.

«В конце концов, это одна из немногих девочек, которая живет только на самостоятельно заработанные деньги. У нее

еще куча братьев и сестер. Несмотря на хорошие гонорары, ботинки себе приличные купить не может. Родственникам денег не жалеет, а на себе экономит, – думала Наталья, вручая девушке свои пометки. – Но как же меня раздражает ее кукольная внешность...»

«Что я делаю? – думала Ира Суханова, нажимая на кнопку звонка. – Зачем я здесь? Мне следовало поехать за телом Весты. Позвонить Лике. В крайнем случае подъехать в агентство и просмотреть снимки для сайта. Но нет. Уже давно не маленькая девочка. И знаю: Дима не самый сильный, не самый лучший. Он меня не любит. У него хватает своих проблем. И все равно. Как побитая собачка, я ищу его сочувствия».

Всю дорогу, пока «Лексус» мчался по Рублевскому шоссе, Ирина мысленно себя ругала за слабость. Платов не тот человек, у которого можно всплакнуть на плече. Они теперь конкуренты. Хотя до сих пор нет никакой нужды разыскивать Диму по телефону. Разбитое сердце уже не болит. Растоптанная душа, которая, казалось, растерзана на мельчайшие кусочки окончательно и бесповоротно, зажила. От умершей страсти остался странный рефлекс. Ира всегда знала, где находится Платов. Она чувствовала его настроение. Необъяснимо. Непонятно. Но Ира ни на секунду не сомневалась, что отыщет Дмитрия везде: в Москве, за городом. На другой планете. И непременно – в следующей жизни. Она должна быть обязательно – следующая жизнь. Может, тогда все у них сложится.

Ей казалось, прошла целая вечность, прежде чем отодви-

нулась створка ворот. Ира села за руль и медленно поехала по занесенной мокрым снегом дорожке.

Ворота распахнулись. Он хочет ее видеть. Какое счастье...

Припарковав машину рядом с Диминым черным «БМВ», уже заваленным снежными хлопьями, она поднялась по ступенькам стилизованного под замок особняка. Потянула на себя ручку двери и сразу же уткнулась в пахнувший «Фаренгейтом» черный мягкий свитер.

– Ну что стряслось? – Дмитрий не торопился размыкать случайные объятия. – Ириш, да на тебе лица нет. Что такое?

Ира умела сдерживать слезы. Жизнь заставила, научила быть сильной.

– Кофе есть? – коротко спросила она, с грустью понимая, что в этих руках, на этой груди, под теплыми лучами карих глаз хочется остаться навсегда. – Давай, угощай.

Дима улыбнулся:

– Ты примчалась из Москвы, чтобы кофе попить? Ладно, не вопрос. Давай помогу снять куртку.

Случайные прикосновения – к волосам, спине, плечу. Тепло тает. Оно незлопамятно. У него не было никого лучше Димы. И оно ноет, горит, замирает, ожидая его, чтобы стать собой.

Нахлынувшее безумие было таким сильным, что Ира быстро отстранилась. Еще секунда – и все, губы станут искать поцелуя, и любовь выплеснется через край, и второй раз из нее не выплыть.

Ира отвернулась, но в ту же секунду черные глаза Дмитрия оказались близко-близко, его руки бесцеремонно проникли под юбку, дыхание перепуталось.

«Он меня целует. Что же это такое, – думала Ира, едва сдерживая стон. – Я не должна, не могу, нельзя...»

Она впитывала его быстро, жадно, не отрываясь от Диминых губ, и даже одежда была с ней заодно, не мешая вспоминать все его косточки, кожу, мускулы, волосы, все, к чему можно прижаться, что можно потрогать, только бы это никогда не заканчивалось, только бы скорее все случилось.

В спальне шептало море. Там раскинулась пропасть. Под сомкнутыми веками вспыхнули алмазы, и испепеляющий огонь желания окатил Иру волной сладкой дрожи.

Дима мучил ее медленными ласками. Его губы дразнили грудь. Поцелуи на изнывающем животе – как обжигающие пули, толчки боли. Тягучей боли, от которой темнеет в глазах.

– Димочка, не могу больше, – застонала Ира, отыскивая его ладонь. – Хочу тебя очень...

– Сейчас, моя девочка. Повтори это еще...

– Хочу! Возьми меня! Скорее...

Когда он проскользнул в нее, Ира задохнулась. Она пыталась дышать, ей хотелось коснуться Диминой спины, крепких холмиков ягодиц, вобрать его всего, навсегда, и ничего не получалось. Он с ней, в ней, все...

Ира очнулась от собственных стонов, от Диминых криков.

Освобождение. Полет. Жизнь...

Не отпускать его никогда. Пусть это длится вечно. Расслабленное тело еще вжимает ее в постель. Но проклятые секунды их разделяют, расклеивают, уводят друг от друга.

– Так как насчет кофе? – улыбнулся Дима и потянулся за халатом.

– Положительно!

Приподнявшись на кровати, Ира осмотрелась по сторонам. Ее одежда, вперемешку с вещами Платова, беспорядочно разбросана по всей спальне.

Не обратив внимания на скрывшегося за дверью Дмитрия, Ира подняла с пола разорванные черные колготки.

«Он не меняется», – подумала она и старалась не вспоминать точно такие же растерзанные в порыве страсти колготки, и кинохроника прошлого все равно закрутилась перед ее глазами.

...По нынешним модельным меркам в 1988 году Ира была безнадежно стара – 24 года. По внутреннему самоощущению, жизнь только начиналась, но какой она будет, Ира в общих чертах представляла достаточно отчетливо. За плечами факультет прикладной математики, скоро закончит аспирантуру. Надо карабкаться дальше. Преподавать на родном факультете, работать над кандидатской. Мир цифр завораживал, казался таким совершенным и прекрасным в своей логичности, и вместе с тем непредсказуемым, многовариантным, вдохновляющим. Аналитический мозг уже подавал

тревожные предупреждения. Наука теперь не востребована, для нее наступают не самые лучшие времена. Но Ира и помыслить не могла, что будет заниматься чем-то другим.

Она сидела в кафе, машинально доказывая в ожидании заказанного кофе теорему Ферма, когда за столик опустился симпатичный черноволосый парень в ужасном малиновом пиджаке.

«Еще один, – с неудовольствием подумала Ира. – Даже кофе попить спокойно не дадут. Везде цепляются мужики – на улице, в метро, да и на кафедре наши старые пенечки иногда намекают, как можно быстрее решить проблемы».

– Девушка, я не кусаюсь! Какой у вас взгляд настороженный, – парень обаятельно улыбнулся. – Меня Димой зовут. Я спонсирую конкурс красоты «Мисс Москва». Вообще-то участницы уже отобраны. Но вот увидел вас и не удержался. Хочу пригласить. Вы очень красивы. Возьмите с собой купальник, короткую юбку, туфли на высоких каблуках и приходите на ВДНХ.

Ира растерянно огляделась по сторонам. Все столики заняты, скрыться от назойливого парня некуда. Кофе надо выпить обязательно – увлеклась, полночи решала задачи, глаза слипаются.

– Меня это не интересует, – твердо сказала Ира и незаметно скомкала исписанную салфетку. – Спасибо за предложение, но я им не воспользуюсь.

– А вы знаете, каким будет главный приз?

Через два дня на рыжих локонах заискрилась корона победительницы. Ире вручили то, ради чего она пришла на конкурс, – ключи от новенькой синей «семерки». Она бредила собственным авто. Но в тот момент, когда мечта, красочная, пахнувшая новым пластиком, была в двух шагах, на сцене, Ира вдруг поняла, что больше всего ее радуют восхищенные глаза сидящего в зале Дмитрия Платова.

Ире казалось – он ухаживает за ней, красиво, терпеливо. Лучшие рестораны, огромные букеты непременно бордовых колючих роз, забавный плюшевый тигренок. Тигренок сразу стал ночевать в Ириной постели. Но не Дима...

Как сложно отказывать симпатичному парню. Как трудно перешагнуть через уверенность, что серьезные отношения с постели не начинаются. Ире очень нравился Платов, но она, сама неимоверно мучаясь, морочила ему голову. Когда сил сопротивляться больше не осталось и прозвучало мысленное обещание: «Вот теперь все случится», Дима... Он просто уехал из Москвы, не посчитав нужным что-либо объяснять.

К моменту второй встречи с Дмитрием Ира успела сходить замуж и развестись. Толик, талантливейший математик, оказался таким ребенком, что проще было уйти, чем терпеть его вечное нытье. Ира писала диссертацию, преподавала, подрабатывала репетиторством, но больше всего денег приносили съемки для рекламы. Хотя и нечастые. Конкуренция в этой сфере возрастала, потребность в «старых» моделях возникала в основном в период представления кол-

лекций отечественной промышленности. Они столкнулись в Доме моды, и на подиум Ира в тот вечер так и не вышла. Дима, оживленный, взволнованный, пригласил ее в кафе. Как загипнотизированная, Ира грелась под теплым ласковым взглядом. Понимала, что опять влюблена. С волнением думала: «Все еще у нас наладится».

– Подыскиваю руководителя модельного агентства, – сказал Дмитрий и открыл лежащую на столике папку. – Вот, все документы на регистрацию готовы. Как хорошо, что мы встретились! Я вдруг понял: этим проектом должна заниматься женщина. Такая, как ты, – умница, красавица и имеющая опыт в этой сфере.

Мысленно чертыхнувшись, Ира отказалась. Диссертация. Студенты. Репетиторство. Все это приносит мало денег и много удовольствия. Какое модельное агентство?!

– Ни-за-что, – отрывисто, для пущей убедительности по слогам произнесла Ира.

– Так, а что, я тебе запрещаю заниматься наукой? Да ради бога! А зарплата у тебя будет такая, что тебе со своим репетиторством и не снилось!

У него получилось ее убедить. Он снова раскинул сети своего обаяния, и Ира опять в них попала. И вновь боролась, объясняя Платову:

– Мы вместе работаем. Этим все сказано. Ничего личного. Диссертация так и осталась незащищенной, потому что модельный бизнес дал Ире все. Любимые математические

расчеты. О! Уклониться от налогов, и чтобы при этом никто не подкопался – тут такие комбинации приходилось разрабатывать, на уровне высшей математики. И еще Ира незаметно влюбилась в мир моды. Красивые девочки, красивая одежда, красивые фотографии. Это была новая формирующаяся среда с потрясающими декорациями, и Ира играла в ней главную роль, потому что Дмитрий делами агентства не занимался. Приходилось самой учиться, принимать решения, побеждать конкурентов.

А еще агентство являлось любопытнейшим индикатором изменения принципов, ценностей, приоритетов. Да, работа моделей сложна. Доходы не так высоки, как кажется тем, кто смотрит на подиум из зала или листает глянцевоый журнал. Но все-таки за эти деньги можно снять квартиру, покупать нормальную одежду, поддерживать себя в нужной для съемок и показов форме. Однако девчонки – почти все без исключения – предпочитали не только ходить на кастинги, но и «клеить» состоятельных мужчин. Ира только диву давалась. Вчера крошка ходила неумытая в каком-нибудь Тьмутараканске, два года как в Москве – и уже машинка появляется, тряпочки фирменные, собственное жилье... Это их сознательный выбор. Их компромисс. И компромисс ли? Ирина позиция по этому вопросу заключалась в следующем. Никаких девочек для нужных людей. Агентство «Russia» никогда не отправляло моделей за границу по сомнительным контрактам. Но личная жизнь сотрудниц – во всяком случае, до

тех пор, пока они не нарушают условия договора и выполняют свои обязательства, – это их дело. Новое поколение. Новые ценности. Или их отсутствие – это с какой стороны посмотреть.

Когда появилась первая прибыль и Ира сказала, что Дмитрий может прекратить ежемесячные дотационные выплаты на агентство, в его глазах мелькнуло удивление.

Он только и смог сказать:

– Ириша, ну ты даешь! Молодец. Не ожидал, что так быстро.

Она и правда очень старалась. Не только потому, что работа увлекала. Ей хотелось доказать – они с Димой одной крови, одной породы. И им надо быть вместе не только потому, что они еще не касаются друг друга, а воздух уже искрит от желания. Они похожи. Половинки. Того, что должно стать единым целым.

Когда было доказано все, что Ира считала нужным доказать, она просто сказала:

– Поехали к тебе. Кажется, я люблю тебя.

– Кажется, я тоже.

Именно этой фразы Ира подсознательно и ждала.

Он растерзал ее одежду. Он заласкал ее до слез. Ира прятала повлажневшие глаза. Потому что стеснялась того, что в свои двадцать восемь лет впервые испытала то, после чего прежние мужчины и радости кажутся такими незначительными, ненастоящими... Секс с Димой оглушил Иру так

сильно, что ей сделалось страшно. «Ничего лучшего в моей жизни уже не будет. Лучшего не бывает», – думала она, рассматривая спящего Диму, смешно хмурившего во сне темные брови.

Лучшего и правда больше не было. Когда Дима уехал из Москвы, опять не предупредив, Ира особо не волновалась: бизнес такое дело. Может, возникла необходимость срочного присутствия на заводе. Но потом выяснилось – в животе растет Лерка. И вот тогда каждый день превратился в пытку, потому что, помимо работы и жуткого токсикоза, Иру мучила неопределенность. Она ждала хотя бы телефонного звонка, а телефон молчал, и это сводило с ума.

Ее выворачивало наизнанку в туалете, и вдруг возле умывальника раздалось:

– Платов вчера звонил. Сказал, что приедет. Как он классно трахается! И мужик не жадный!

– Ты что, думаешь, он хочет на тебе жениться?

– Во всяком случае, он ездит ко мне каждую неделю!

– А знаешь, что мне Светка рассказывала. Он к ней тоже вот так ездил, ездил, а потом спросил: не хочешь ли встретиться с моим другом?

– Да ты что?! А что Светка?

– Согласилась. Слупила свою «капусту»...

Когда появились силы двигаться, Ира прошла в свой кабинет и написала заявление об уходе.

Она все быстро просчитала. Есть хорошее имя, связи, ор-

ганизаторские способности. Ресурсы под открытие нового агентства с ее-то отличной репутацией можно привлечь. Ребенка родит, вырастит. Но чем такой отец – лучше уж вообще никакого.

Сколько было можно, Ира прятала Леру от журналистов. Но когда «Supermodels» стало серьезным игроком на рынке модельного бизнеса, его президент автоматически превратился в фигуру публичную. Во всех журналах замелькали снимки Ирины Сухановой с дочерью. Димины гены оказались сильнее. У Лерочки его глаза, губы, волосы. Но Платов ни о чем не подозревал.

Они ругались. Мирились. И вот сейчас случилось то, что случилось...

...Приняв душ, Ира оделась и опять растерянно посмотрела на истерзанные колготки.

«Ладно, в машине печка, как-нибудь доберусь», – подумала она и машинально нагнулась, чтобы поднять с пола Димины джинсы. Из их кармана выпала визитка, и надпись на ней повергла Иру в шок. Эмилия Конде, президент агентства «L'etoile», Париж.

Эмилия! Именно с этой женщиной Ира вела переговоры о возможных съемках для Chanel!

Аккуратно засунув визитку в карман, Ира швырнула джинсы на пол и присела на краешек кровати.

Ну и новость. Это все меняет. Никаких разговоров о Весте. Неужели Эмилия смотрела моделей из агентства Плато-

ва?!

– Вот тебе кофе. Вот бутерброды. И шоколад!

Дмитрий вошел в спальню с подносом, склонился над маленьким столиком у кровати.

Щелкнув телевизионным пультом, Ира пару минут наблюдала за показом Fashion TV. Потом как можно равнодушно поинтересовалась:

– Ну, как жизнь вообще? Много работы? Зарубежные контракты есть?

Дмитрий искренне изумился:

– Ир, да ты что? После того, что сделал с агентством Стас, какие контракты? Финансовое положение очень сложное...

6

– Тимофей Аркадьевич, вам письмо. Танцуйте!

Следователь Ковалев выхватил из рук оперативника конверт со штампом Бюро судебно-медицинских экспертиз и проворчал:

– Марат, вот будет тебе за шестьдесят – я посмотрю, как ты запляшешь. В этом возрасте другие радости. На пенсию не отправляют, и ладно.

– Тимофей Аркадьевич, да какая пенсия, вы что? – На лице Марата Кудряшова, невысокого, худого, появилось выражение искреннего недоумения. – Вы ведь вчера убийство девочки почти раскрыли!

И, хотя у следователя имелись уже первые подозреваемые по делу об убийстве Весты Каширцевой, он возмущенно замотал седой головой:

– Марат, еще рано делать окончательные выводы!

Разорвав конверт, Тимофей Аркадьевич достал сколотые скрепкой листы. Он нетерпеливо пролистнул первую страницу, где перечислялись вопросы по разрешению экспертизы, обстоятельства дела и результаты наружного исследования трупа. Внутреннее исследование пропускать не стал. Уже обжигался. По одному из уголовных дел пришлось столкнуться с убийцей-химиком, отравившим жертву ядом, оставляющим минимальные следы в организме. Преступник вывез

тело на ночную трассу с целью имитации наезда. Эксперт, вскрывавший труп, обнаружил легкие следы химического повреждения тканей и органов. Однако не рискнул делать вывод о причинно-следственной связи между этими повреждениями и наступлением смерти. Тем более что концентрация алкоголя в крови покойного зашкаливала все мыслимые и немыслимые нормы. И в связи с этим горизонтальный характер нанесенных автомобилем травм на теле покойного выглядел совершенно логично. Пьяный человек. Переходил дорогу в неположенном месте. Упал на проезжую часть. Совершивший наезд водитель в состоянии шока повез труп в больницу и даже утверждал, что слышал стоны... Правда по этому делу выяснилась через год, когда ни в чем не повинный водитель сидел в тюрьме, а настоящий убийца разоткровенничался с соседом, негласно сотрудничающим с правоохранительными органами. После этого случая Тимофей Аркадьевич читал часть судебно-медицинской экспертизы, касающуюся внутреннего исследования, с особым вниманием.

Медицинская лексика позволила абстрагироваться от собственных эмоций. Когда Тимофей Аркадьевич выехал на место происшествия, лицо молоденькой девочки было спокойным и просветленным. Но смерть изломала, окровавила ее тело. Ковалев писал протоколы, опрашивал свидетелей, и сердце кололо: такая молоденькая, такая красивая... В экспертизе уже нет места для эмоций.

Следователь внимательно прочитал исследования, убедился, что все разрывы органов и ушибы тканей напоминают по характеру автомобильные травмы. Следов хронических заболеваний и химических поражений тканей, а также нанесенных до смерти серьезных повреждений эксперты, проводившие вскрытие Весты Каширцевой, не обнаружили.

– Тимофей Аркадьевич, да чего там рассусоливать, – устав от ожидания, Марат ерзал на стуле. – Все и так ясно. Задавили девчонку! Вы послушайте, что я узнал!

– Потом, – следователь улыбнулся. Вот она, молодость. Энергии – хоть отбавляй. И никаких болей в пояснице. – Марат, мне нужно ознакомиться с экспертизой.

Список нанесенных девочке ранений казался нескончаемым – открытая черепно-мозговая травма с ушибленными ранами, переломом основания черепа и нижней челюсти, многочисленные кровоизлияния. Ковалев продрался сквозь анатомический частокол и вслух зачитал:

– Указанные телесные повреждения возникли незадолго до наступления смерти от действия тупых предметов (выступающих частей автомобиля) при нахождении гражданки Каширцевой В.А. в вертикальном либо близком к таковому положении, обращенном к транспортному средству задней поверхностью тела с первичным контактом с поясничной областью, затылочной областью головы и дальнейшим падением на дорожное покрытие. Указанные повреждения имеют признаки тяжких телесных повреждений и состоят в прямой

причинной связи с наступлением смерти. При судебно-химическом исследовании крови и мочи от трупа гр. Каширцевой В.А. этиловый спирт не обнаружен.

– Блядь! Вот сука, а! – Марат возмущенно вскочил со стула и потряс кулаком с побелевшими костяшками. – Девчонка убежала. Но вы же видели, какая там дорога! Бордюры высоченный! И эта сука ее раздавила!

«Сам таким был, – подумал Тимофей Аркадьевич, с завистью вдыхая дым от сигареты Марата. – А почему был? Таким и остался. Просто теперь эмоции не выплескиваются наружу, а используются для принятия решений...»

– Ну, что там по опросам свидетелей? – спросил Ковалев, откладывая экспертизу.

Марат оживился. Хотя еще вчера поводов для оптимизма не наблюдалось. Неизвестно, видел ли кто-нибудь из водителей, как совершался наезд на Весту. Дождаться милицию никто не стал, и все призывы откликнуться очевидцев остались не услышанными. Оставался поквартирный обход, но и тут Марату казалось: дело – труба. Элитный жилой комплекс. Если и удавалось застать дома хозяев квартир, то они на момент совершения ДТП либо спали, либо отмокали в ванне, либо сидели за компьютерами. В окошко выглядывать у этой категории граждан привычки нет. С прислуги тоже толку немного. Домработницы дряют полы, няни приглядывают за детишками, все при деле, деньги зарабатывают, а не проявляют любопытство к чужим делам. Да, про личную

жизнь Весты Каширцевой стало известно со слов консьержки. Но дальше не удавалось продвинуться ни на шаг. Что за машина ее сбила? Кто находился за рулем? Ответов на эти вопросы не находилось.

– Мне повезло дважды! – радостно тараторил Марат. – В одной из квартир проживала бабушка. Мать владелицы квартиры, я так понял. Старушка не отличается крепким здоровьем, и вот дочь на всякий пожарный перевезла ее к себе. Бабушка – подарок. Первый этаж. Окна на трассу выходят. На балконе бабуля культивирует рассаду. Она видела эту машину! Тачка стояла на дороге со включенной «аварийкой». Бабуля бдительная. Решила, что это террористы, а автомобиль начинен взрывчаткой и надо срочно звонить в милицию. Но тут начался сериал, и это свело порыв старушки на нет. А второй свидетель – шофер какого-то крутого дядьки. Он поджидал своего шефа и обратил внимание на машину. «Жигули», бежевая «девятка» – шофер в этом не сомневается. За рулем находилась женщина.

«Все сходится», – подумал Ковалев и поинтересовался:

– Лицо рассмотрел? Опознать сможет?

– Кто его знает. – Марат вновь вытащил сигарету, но под укоризненным взглядом Ковалева отложил пачку. – Понял, понял, дымить не буду. Надо попробовать предъявить ему снимки. Вы же понимаете, у профессиональных водителей хорошая зрительная память.

Дверь кабинета едва слышно скрипнула, и Марат умолк.

– Здравствуйте, Тимофей Аркадьевич!

– Седов, ты, что ли? Не узнал, богатым будешь. – Тимофей Аркадьевич пожал ладонь Володи и подумал: ну неправильно это, что теперь следователи могут в штатском ходить. Непорядок. И, не удержавшись, заметил: – Да, Володя, без формы ты, прямо скажем, никакого почтения не вызываешь.

– Не могу наш синий костюмчик носить. Такое чувство, что шкаф на плечах тащу. Но на коллегиях и совещаниях приходится. Тимофей Аркадьевич, знакомьтесь. Это Лика, – и Седов легонько подтолкнул к столу невысокую светловолосую девушку, лицо которой казалось смутно знакомым.

Через секунду в памяти услужливо всплыла фотография на странице популярного еженедельника «Ведомости».

– Чему обязан приходом журналиста? – Ковалев неприязненно поморщился. Только писак не хватало на его голову!

– Я хочу попросить вас об услуге, – Лика присела на стул и посмотрела на следователя такими огромными, полными мольбы зелеными глазами, что Тимофей Аркадьевич быстро отвел взгляд. – Дело в том, что Веста Каширцева работала в агентстве «Supermodels», которым руководит моя подруга...

Смысл Ликиного рассказа улавливался Ковалевым не без труда. «Бук»,⁷ «кастинг», «дефиле»...

«Навыдумывали словечек, – мысленно ругался Тимофей Аркадьевич – По-русски говорить надо!»

Когда Лика замолчала, Тимофей Аркадьевич с трудом

⁷ Синоним «портфолио».

сдержал желание расхохотаться. Вот наивное создание! Да ни один следователь не согласится на такую просьбу. Конечно, ее привел Седов, малышка не нарушала закон, это все замечательно. Но в рамках уголовного дела все равно надо проводить следственные действия. Несмотря на любую протекцию!

– Значит, так, Лика, – Ковалев старательно закосил в сторону. Глазищи у Вронской – как у ведьмы. Погибнуть в таких можно. – Сделать для вас я могу немного. Версия, связанная с профессиональной деятельностью потерпевшей, не является главной. У нас есть основания подозревать, что убийство девушки было совершено по другим мотивам. Тем не менее я все равно намерен допросить вашу подругу. И оперативники побеседуют с сотрудниками агентства. Единственное, что я могу для вас сделать, – это завершить этот этап как можно быстрее. Если ничего подозрительного не обнаружится – я не буду брать с президента агентства подписку о невыезде. Это все, на что вы можете рассчитывать.

Лика улыбнулась, старательно скрывая разочарование, которое все равно отразилось на погрустневшей мордашке.

– Спасибо вам большое, – сказала она.

От ее взгляда Тимофей Аркадьевич вновь смутился...

Глава 3

1

Париж – Канн, декабрь 1919 года

Голова. На ней терновый венец боли. Мира больше нет. Только иголки, впившиеся в череп. И во рту отчетливый привкус крови. Надо немного поспать.

Принятое снотворное не помогает. Наконец легкие волны полудремы подхватывают Габриэль, уносят все дальше и дальше. Но – какая тяжесть, затылок словно чугунный. Отчаянный стук в дверь отдается в ноющих висках.

– Мадемуазель Шанель! Мадемуазель! Вас спрашивает Леон де Лаборд!

Габриэль с трудом приподнялась на постели. Такого встревоженного лица у верного слуги Жозефа Леклера она никогда прежде не видела.

Облизнув пересохшие губы, Коко быстро спросила:

– Что случилось?

Жозеф скорбно помолчал и вновь напомнил:

– Леон де Лаборд ожидает вас.

Слуга повернулся, чтобы уйти, но Габриэль остановила его:

– Подожди. Мне не до сборов.

В белой атласной пижаме, опираясь на руку Жозефа, Габриэль спускалась по лестнице, не чувствуя холода каменных ступеней, обжигающего босые ноги.

Леон бросился ей навстречу, легонько коснулся ладони и неуверенно попросил:

– Присядь. Пожалуйста, присядь.

Габриэль, несмотря на сжимавшие сердце нехорошие предчувствия, слабо улыбнулась. Ее старый приятель, частый гость Руайо, никогда не расставался с каскеткой. И сейчас жокейская шапочка скрывает русые вьющиеся волосы.

Дождавшись, пока Габриэль опустится на диван, Леон глухо произнес:

– Бой попал в аварию. Машина загорелась. Артур в тяжелом состоянии, и ты понимаешь... может случиться всякое...

Глаза Габриэль, готовые брызнуть слезами по любому поводу – когда вдруг рвалось в руках тонкое отделочное кружево, когда капризничали швеи, когда подвели поставщики тканей, – глаза Габриэль остались сухими.

Она все поняла. Боя больше нет. Его нет уже почти два дня. Именно тогда возникла невыносимая головная боль, а слюна во рту отчего-то стала отдавать кровью.

Жозеф бросил укоризненный взгляд на гостя и тихо сказал:

– Что уж теперь... Надо сказать. Мадемуазель, месье Кейпл скончался на месте.

Когда появились силы, чтобы подняться, Габриэль, знаком остановив бросившегося на помощь Жозефа, дотащи-лась до своей комнаты.

Надо быть сильной. Бой любил ее сильной. Она будет та-кой. Ради него.

Через пару минут Габриэль уже стояла перед Леоном – в дорожном костюме, маленькой черной шляпке, с небольшим саквояжем в руках.

– Поехали, – коротко бросила она.

Де Лаборд неуверенно на нее посмотрел и пробормотал:

– Сейчас ночь. Давай отложим поездку до утра. И потом, Коко... Ты подумай, стоит ли вообще ехать. На похороны соберутся родственники, в том числе его жена.

Габриэль медленно пошла к двери. Леону не оставалось ничего, кроме как распахнуть ее. А потом помочь разме-ститься в салоне «Ситроена», уже украшенном в честь при-ближающегося Рождества еловыми веточками.

Желтые прожекторы фар будили сонные парижские авеню и бульвары, но Габриэль этого не замечала. В глазах стоял Артур, веселый, улыбающийся, *ее* мужчина, *ее* любовь.

...Открытый при помощи Кейпла на рю Камбон бутик стал быстро приносить доход. Артур был счастлив, а значит, была счастлива и Габриэль. Он дал ей все, о чем прежде и не мечталось. *Их* принимали в лучших домах Парижа. *Они* не пропускали ни одной театральной премьеры. Но, самое главное, его квартира на бульваре Мальзерб стала *домом*, и

в этом маленьком мире царили любовь и покой. Габриэль удивлялась – ей больше не хочется щелкать ножницами, моделируя прямо на заказчице силуэт платья. Есть кое-что куда увлекательнее работы. Быть с Артуром, целовать его губы, чувствовать, как он сжимает ее в объятиях, – вот оно на самом деле какое, настоящее счастье. Но для Боя – Габриэль это интуитивно понимала – было очень важным, чтобы «Chanel Modes» всегда пользовались авторитетом. Хороший бизнесмен, он тоже хотел видеть в Габриэль человека, умеющего «вести дела». Прежде Этьен настаивал, чтобы его женщина разбиралась в видах аллюра. Теперь Бой мечтал о платьях Шанель как высшем проявлении парижского шика. Габриэль всегда старалась угодить своим мужчинам.

В 1913 году открылся бутик в приморском Довиле. Габриэль полагала, что это позволит расширить клиентуру среди представительниц высшего света, не только француженок, но, возможно, и русских дам, приезжающих на курорт. И с раздражением думала о том, что ей опять придется мучиться с отделкой из валансьенских кружев, с длинными батистовыми платьями, уродующими грудь корсажами. Клиентки капризны. И консервативны. Хотя разве не проще надеть туфли с круглым мыском на низком каблуке? Они выглядят более элегантно, чем остроносые ботинки, их не надо шнуровать специальным крючком с посторонней помощью... А Артур... Позднее Габриэль поймет – он предчувствовал войну. И опустевший Париж, и наплыв в Довиль.

В начале войны Габриэль охватила безумная паника. Все спешно бежали из курортного городка. Магазины закрывались. Запустение пришло на еще совсем недавно оживленные улицы. Она телеграфировала Артуру, спрашивала его совета. Ответ пришел очень короткий: «Обязательно продолжай работать». Бой оказался совершенно прав. Убегая от линии фронта, вся парижская знать вскоре собралась в Довиле. Шла война, мерзкие «боши» наступали, но разве это причина для дамы отказываться от нового платья? Но все же, все же – была война, и это не могло не наложить свой отпечаток. Опасность, тревога и переживания изменили вкусы женщин. Они больше не хотели громоздких конструкций, их раздражала изысканная отделка, и тогда Габриэль рискнула предложить клиенткам то, что носила сама. Прямые юбки, чуть приоткрывающие щиколотку, блузы, жакеты. Вскоре перед бутиком на авеню Гонто-Бирон пришлось вынести столики. Внутри помещения принять всех желающих сделать заказ было невозможно. Швей тоже катастрофически не хватало.

Бой мог бы не отправляться на фронт. И он не мог этого не сделать. Тем не менее ему изредка удавалось приезжать в Париж.

Оставив сестру заниматься бутиком в Довиле, Габриэль полетела в Париж. Она была там счастлива. И там был Артур. О, его дела шли в гору! Когда в стране не хватает угля, тот, кто им торгует, становится богат, как Крез!

Но что-то уже тогда неуловимо изменилось в их отноше-

ниях. Нет, внешне все оставалось по-прежнему: жаркие объятия, визиты к друзьям, прогулки. Но иногда в глазах Боя появлялось такое виноватое выражение, что Габриэль мысленно убеждала себя: «Мне показалось. Все хорошо. Просто показалось...»

Наверное, уже тогда Бой принял решение жениться на девушке из хорошей семьи. Он решил, что Габриэль ему не подходит. Пятно на собственной биографии удачно замаскирует титул. Это было единственное, чего Габриэль не могла ему дать. Он убивал свою любовь с такой же холодной расчетливостью, как совершал сделки. Ему было больно и стыдно. Бой хотел сделать прощальный подарок. И ему нужно было остаться в Париже одному, чтобы присмотреться к благородным девушкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.